Ирина Кошман

Силки на лунных кроликов

Ирина Кошман

Силки на лунных кроликов

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кошман И. А.

Силки на лунных кроликов / И. А. Кошман — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Пропавшая двенадцать лет назад девочка Алиса возвращается домой в родной поселок. Никто не знает, где она провела все эти годы. Но то, что скрывают стены ее родного дома, оказывается намного страшнее. Девочка появилась, чтобы разгадать тайну ещё одного пропавшего человека. И тайна эта повергнет в шок всех, кто жил так долго тихой размеренной жизнью.

© Кошман И. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. 5
1. 5
Глава 2. 6
1. 6
2. 9
Глава 3. 13
1. 13
2. 16
3. 18
Глава 4. 19
1. 19
2. 21
3. 24
Глава 5. 25
1. 25
2. 27
3. 29
Глава 6. 31
1. 31
2. 33
3. 35
Глава 7. 36
1. 36
2. 39
3. 41
Глава 8. 43
1. 43
2. 45
3. 48
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Глава 1.
Дом на Малиновой улице

1.

Две конфеты на большой белой руке. Он протягивал их каждую субботу тебе. И тебе тоже. В памяти остались только островки, на которых сверкала серебристая обертка. И все девочки в округе помнили это, потому что конфеты были похожи на два драгоценных камня.

Сладости были только на Новый год. И еще иногда на чей-нибудь День рождения в детском саду. Но эти были каждую субботу. Начинка была приторной, с кисловатым послевкусием, а шоколадная глазурь мягкая и тающая. И почему-то кролики танцевали на серебристой Луне. Такие счастливые кролики.

Лицо этого мужчины ускользало, а в памяти только белая протянутая ладонь и вкус шоколадной глазури. Нужно было незамедлительно расправиться с конфетами, пока мама ничего не узнала. Почему-то от сладости конфет веяло непреодолимым страхом. И уже тогда, на заре своей жизни, Женя ощущала слабое холодное дыхание смерти. Неминуемой и необратимой. Но в детских сказках об этом ничего не было.

Дом на Малиновой улице сверкал так же, как и обертка, словно начищенная монетка. И ей чудилось, что он весь сделан из леденцов. Стоит только подойти к нему и лизнуть – язык тут же обомлеет от удовольствия. Но Женя, конечно, никогда не решалась на это. И с чего она вообще взяла, что дом этот – леденец?

Нет, там было еще что-то. Мама запрещала брать конфеты у чужих людей. Но человек из дома на Малиновой улице не был чужим. Его знали все. По крайней мере, все детишки в округе.

И всё же мама, наверное, была права. Потому что теперь на Луне пляшут кролики. И они никак не могут выбраться!

Глава 2.
Белые пятки

1.

Белые пятки исчезали в высокой осенней траве. Белые пятки. Но не быстро, как убегающие лабораторные крысы, а будто бы в замедленном действии. И только эти белые пятки. Она ребром ладони стукнула водителя по колену, но тот не шелохнулся.

Почему только эти проклятые белые пятки? Не прозрачная белая кожа, как пергамент, не эти выпуклости, которые едва ли можно было назвать ягодицами. А пятки так сильно привлекали. Что-то было в них такое нервное, раздражающее.

Водитель замедлил ход, и теперь можно было разглядеть лицо этого скрюченного дрожащего тела.

– Вызывай ментов… – язык еле шевелился.

– Что?

Она повернула голову и посмотрела на мужа. Челюсть отвисла, хоть воду озерную загребай. Она снова ткнула его ладонью, только теперь сильнее. Так, что боль прошибла и ее.

Теперь она опустила стекло, чтобы что-то сказать, но не могла ничего выдавить из себя.

– Может, это какой-то перфоманс? – неуверенно предположил водитель. – Подростки же любят такое.

Женщина скривилась, как будто он испортил воздух в машине. На голове у девочки мешок, а руки связаны. Не мешок, нет, пакет, похожий на тот, в каких выдают заказы в придорожных забегаловках.

– Всё равно, вызывай, – сказала она. – Она же голая! Мало ли… Дети увидят. Эй, девочка!

На секунду показалось, что тело подростка отреагировало, дрогнуло в конвульсии, но пятки всё так же мелькали в высокой траве. Только на пятки ей хотелось смотреть. Не на две маленькие острые грудки с розоватыми сосками и не на лобок с редкими темными волосами. Только пятки. Вот что. Они были слишком большими для всего остального тела. Для выступающих костей и острых локтей.

Она как-то инстинктивно потрогала свой живот, давно уже потерявший упругость, знавший лучшие времена. Но вот сейчас, увидев это тонкое тело, стало как-то жалко саму себя.

Муж издал нервный смешок, как будто это всё и правда было представление. Она посмотрела на него так строго, как делала это уже последние пятнадцать лет их брака. Он достал смартфон и набрал экстренный номер.

– Нам еще и вставят за ложный вызов, – простонал он.

Три, два, один…

Она вроде бы задумалась об этом. Не хотелось застрять тут надолго. Понятые, протоколы и черт его знает, что еще. А это всего лишь чья-то дурацкая шутка. Может быть. А может быть и нет. А к свекрови ехать еще сотню километров. И если они опоздают к ужину… Будет даже очень кстати.

– Набирай уже, – прошипела она.

Водитель нервно закусил нижнюю губу: козырей в рукаве больше не осталось.

– Тут девушка идет вдоль обочины, голая… Совсем… С пакетом на голове… Не отвечает, не говорит.

Они там, конечно же, будут до последнего пытаться делать вид, что ничего странного не происходит и, мол-де, поговорите с ней, чаем напоите, ее отпустит быстро. Как будто это не

их работа. Как будто голый человек на трассе – это неправильно припаркованная машина. Да что там голый! У нее пакет на голове.

Женщина не заметила, как сильно, до крови, прокусила свой большой палец. Боль заставила ее вернуться в реальность. И теперь она отчетливо увидела, что у девушки связаны руки. Некрепко, словно тот, кто это делал, пытался только играть в связывание. Она поймала себя на мысли, что страх оказаться дурой перед этой непонятной ситуацией сильнее, чем жалость к подростку. Намного сильнее. Не хотелось стать героиней какой-нибудь дешевой статейки в Интернете, объектом для насмешек комментаторов. Теперь она уже жалела, что заставила мужа позвонить в 102.

Но вот он, казалось, теперь был решительно настроен. Повесив трубку, он дал по тормозам, и хоть скорость была совсем маленькая, инерция заставила их тела двинуться вперед.

– Они приедут через пять минут, – сказал он и вознамерился выйти из машины.

– Ты куда? – она в ужасе уставилась на него. Но это не был страх опасности внешнего мира. Это был страх оказаться сейчас не у дел. Зависть, что он был так решителен, а она думала лишь о возможных последствиях для себя самой.

Женщина схватила водителя за рукав куртки, но тут же отпустила. Его взгляд, такой сильный и жесткий, вызвал в ней внутренний трепет. Мужчина вылез из машины и догнал девушку. Теперь, когда стекло не мешало ему рассмотреть это тело, он ужаснулся. Кожа была такой тонкой и прозрачной, что, казалось, вот-вот лопнет под острием костей. Он быстро снял с себя легкую куртку и осторожно попытался прикрыть ею девушку. Почувствовав прикосновение чего-то чужого, та отпрянула и слегка вскрикнула. Ее руки, хоть и были связаны между собой тонким длинным шнурком, никак не мешали ей снять с головы бумажный пакет. Но по какой-то причине она не сделала этого.

– Что с вами случилось? – спросил он, окончательно остановив путницу.

Женщина в машине открыла дверь и теперь наблюдала за всем происходящим из укрытия, как будто ее муж пытался укротить дикого зверя. Он, муж, не решался прикоснуться к пакету, чтобы снять его. Почему-то ему казалось, что он должен оставить всё так, как есть. В девушке было примерно сто пятьдесят метров росту, а весила она, наверное, не больше домашней кошки. Так что мужчине теперь казалось, что девчушка утопает в его ветровке, словно какая-то скрюченная фарфоровая кукла. Теперь, по крайней мере, не видно ее торчащих позвонков, делавших ее похожей на амфибию.

– Ты что-то принимала? – снова задал он вопрос.

Как же хотелось стянуть этот шнурок с ее рук! Но необъяснимая настороженность не позволяла. Время от времени тело девушки прошибала мелкая дрожь, как будто кто-то пускал ток по ее венам. Он краем глаза осмотрел ее руки, чтобы найти следы уколов, но адреналин, наполнивший кровь до предела, не позволял взгляду сфокусироваться. Теперь вокруг стоял туман, как будто это было утро после мальчишника. Время, казалось, растянулось, а Вселенная сжалась в комок, застрявший в горле. Теперь мысли о розыгрыше не вызывали ничего, кроме стыда. Что-то здесь явно было не так.

Мужчина сделал усилие над собой и приподнял пакет. Мимо несколько раз проносились машины, но так никто и не остановился. Пакет медленно оголил темные, почти черные волосы до плеч. Мужчине пришлось немного отстраниться, чтобы рассмотреть лицо этого бледного создания. Голова была маленькая, словно бы у ребенка лет тринадцати. Девушка сморщилась, не принимая дневной свет.

– Папа сказал… Папа сказал…

Сердце заколотилось, как будто это были первые слова его ребенка. Но их ребенок так и не смог произнести ни слова. Он умер раньше. Еще в утробе. А эта умела говорить. Лицо у нее было таким же бледным, как и тело, хотя под глазами красовались синие мешки, похожие на двух присосавшихся пиявок. Маленький нос вдыхал свежий воздух – если так можно

было сказать о придорожных выхлопах – засохшие губы сжались. И тут он вдруг подумал, что девушка, наверное, хочет пить.

– Принеси бутылку воды, Алёна!

В ответ он услышал только, как вспорхнули две серые вороны, внезапно потревоженные людьми на этой серой пустынной дороге. Дорога неподвижно глядела в небо, разинув несколько ртов-выбоин.

– Алёна! – снова прокричал мужчина своей жене.

Женщина в оцепенении продолжала смотреть на лицо маленькой девушки. Теперь она не думала об этих белых больших пятках. Теперь она думала о больших черных ресницах. Голос мужа заставил ее вздрогнуть, но она не расслышала, чего он хотел.

– Что?

– Бутылку с водой принеси! Бутылку!

Она знала, что должна найти бутылку с водой. Эту чертову пластиковую бутылку с голубой крышкой. Они купили воду в дорогу, но пить не хотелось, так что никто и не притрагивался к этой бутылке.

Женщина пошарила в сумке, посмотрела под ногами, на заднем сиденье, и внезапно поняла: она не помнит, что нужно искать. Ее взгляд упал на ключи, торчавшие в зажигании. Можно ведь просто повернуть их и уехать к чертовой матери. Вернее, к его матери. Хотя это было почти одно и то же.

Мужчина, осознав, что воду придется ждать долго, немного встряхнул девушку за плечи.

– Ты пить хочешь? Где твой папа? Что он сказал?

Девушка только сильнее сжалась, как будто ежик, в которого тыкали палкой. Но теперь она прильнула лицом к его груди, пытаясь растворитьcя, исчезнуть, спрятаться.

Казалось, прошло не меньше сотни лет. Наконец, у обочины притормозила машина. Мигалок не было.

2.

Теперь ей не хотелось пить. Для нее нашли одежду и дали сладкого чая. Напиток казался божественным, и девушка растягивала его, стараясь пить как можно тише. В кабинете, куда ее привели, не было окна, так что длинная прямоугольная лампа на потолке давала яркий белый свет.

Она, в конце концов, открыла глаза. Каштановые волосы – теперь точно было видно, что они не черные – контрастировали с бледной кожей и темно-янтарными глазами. Или, может быть, зелеными. Черт их разберет!

Женщина-милиционер записывала что-то в свои большие белые листы, порою задумчиво облизывая палец левой руки.

В комнате не было окна, и это было хорошо. Окна несли в себе опасность.

– Полное имя можешь сказать? – женщина не подняла глаза.

– Алиса, – силясь не расплакаться, ответила девушка.

Теперь женщина замерла над бумагами и подняла глаза. Ответ ее явно не устраивал.

– Полное, понимаешь? Имя, фамилия, отчество.

Алиса, не зная правильного ответа, просто опустила голову. Посмотрела в кружку, где чаю осталась только треть. Пар уже не клубился, но чайный пакетик всё еще болтался.

– Не хочешь говорить? Сбежала?

Девушка едва заметно кивнула головой, но то ли это был нервный тик, то ли она подала знак.

– Ничего, мы тебя вернем, откуда ты там сбежала, – продолжала женщина, положив руки на стол, надвигаясь, словно лавина.

Пальцы ее, однако, нервно теребили шариковую ручку, щелкали кнопкой, иногда постукивали по столу. Ноги плясали под столом в нетерпении.

– У тебя мама есть? – она сделала еще одну попытку. Но никакой реакции не последовало. С каждым новым вопросом голова девушки пряталась в тонких острых плечах, она была похожа на улитку. – А папа?

Девушка вздрогнула. Руки женщины застыли, ноги перестали отплясывать чечётку. Ещё одна минута – и раковина навсегда закроется.

– Как зовут папу?

Алиса открыла рот с явным желанием произнести имя своего отца, но в этот самый момент дверь в кабинет открылась, и в него вошел мужчина средних лет в форме с грубыми чертами лица, редеющими волосами с проседью. Девушка снова скрылась в чашке чая, как маленькая немая рыбка. Рыбка, сорвавшаяся с крючка. Женщина тяжело вздохнула.

Мужчина шумно опустил папку с бумагами на стол:

– Ничего по сбежавшим.

Он оперся кулаками, нависая над девушкой, точно огромная тень. Слишком много незнакомых людей, слишком много надвигающейся опасности.

– Как ничего? – прошептала женщина. – Павел Спартакович, видно же, что она откуда-то сбежала. Может, не успели заявить?

– Не знаю, – чуть слышно прохрипел Павел. Затем обернулся к Алисе. – Что делать с тобой будем, а? – И снова к женщине. – Может, ей восемнадцать?

Она укоризненно посмотрела на майора с видом *«вы-мужчины-одинаковые»*.

– Немая, может, скажешь, сколько тебе лет? – обратилась она к девушке.

Алиса поглядела на дно кружки. Больше не осталось ни капли чая. Только те, что просачивались из чайного пакетика. Она могла бы, как и раньше, дома, взять его и выдавить, но было как-то неловко делать это здесь. Когда эти люди задают ей вопросы.

– Кто связал тебе руки, расскажешь? – спросил мужчина.

Мужской голос успокаивал, он был похож на голос папы. Только папа не задавал таких вопросов. Вопросов, на которые совсем не хотелось отвечать.

Павел терпеливо сел на стул рядом с девушкой, но не очень близко. Он чувствовал, будто это испуганный маленький зверек, прикасаться к которому опасно. Теперь он хорошо рассмотрел, как одежда, которую ей одолжили в отделении, висит на ней бесформенным мешком. Серая кофта, мужские джинсы, на ногах синие сланцы. Пальцы длинные и тонкие. Но даже бесформенная кофта не могла скрыть наличия развитой высокой груди. Павел постарался сжаться так, чтобы казаться как можно меньше.

– Как ты оказалась на дороге? – спросил он.

Девушка поставила кружку на стол и отодвинула ее от себя.

– Папа вернется за мной. Он будет меня искать, – внезапно так четко и громко сказала она.

Женщина напротив открыла рот в изумлении, однако мужчина, казалось, сохранял полное спокойствие.

– Он знает, где тебя искать?

– Как зовут твоего отца? – не выдержала женщина.

Павел медленно повернул голову в ее сторону:

– Сделайте нам еще чаю, пожалуйста.

Он небрежным движением двинул кружку в сторону женщины в форме. Та явно была возмущена. Делать чай? Но холодный взгляд старшего коллеги дал понять, что это вовсе не метафора.

Женщина встала из-за стола, собрала документы в папку, взяла кружку и вышла из кабинета, громко хлопнув дверью.

От этого лицо девочки, на секунду прояснившееся, стало снова серым и закрытым.

– Папа волнуется за тебя, – твердо произнес мужчина. – Мы должны позвать его.

И снова лицо прояснилось, гроза отступила.

– Он здесь? – спросила Алиса.

– Нет. Но мы ему позвоним. Ты знаешь номер его телефона?

Девочка сдвинула брови, что-то усердно обдумывая.

– Я не могу сказать вам. Я вас не знаю.

Мужчина в форме, обрадовавшись, что дело сдвинулось с мертвой точки, улыбнулся и провел ладонью по лбу, будто вытирал невидимую испарину.

– Меня зовут Па…

– Павел Спартакович. Я слышала.

Павел Спартакович открыл рот. Теперь он почувствовал, что его одолевает жажда. Ему казалось, что кто-то играет с ним. Лампа на потолке предательски подмигнула, как будто насмехалась.

– Как же тогда твой папа узнает, где ты?

Лицо Алисы исказила гримаса ужаса. Она уставилась перед собой в одну точку, где могла бы увидеть бугимена, если бы они существовали в реальности, а не только в кино. Медленно она начала отодвигать свой стул, и Павел, распознав ее намерения, стал непреодолимой стеной между девочкой и выходом.

– Я должна вернуться на дорогу! Где меня оставили! Иначе он не найдет меня.

Речь ее была связной и чистой, как у актрисы на кинопробах. Зубы во рту мелкие, но белые, ухоженные. Не было похоже, чтобы ее истязали.

Павел легонько прикоснулся к плечу девочки, и от этого она будто успокоилась. Это было похоже на то, как если бы собаке дали команду: «Рядом!».

Ее большие темно-медовые глаза остановились на его губах. Она покорно ждала следующей команды.

– Папа высадил тебя? Он привез тебя на дорогу?

Глаза подростка забегали. Тело замерло в нерешительности. Каждый новый вопрос заставлял ее просчитывать последствия ответа.

– В этом нет ничего страшного. Просто скажи.

Павел перестал смотреть на нее. Он положил руки на стол и стал разглядывать их, как будто видел впервые.

– Да, – прозвучал тонкий голос. – Он сказал, что нам нужно прогуляться. Он сказал, чтобы я собиралась. Он сказал, что мы останемся вместе навсегда. А я… Я же больна.

Воздух в комнате стал тяжелым и плотным, как вода. Всё происходящее замедлилось, и каждый вдох, который делал Павел, давался с трудом. Эту мимолетную тишину, которая оставалась между вопросами и ответами, можно было черпать ложками. Подбирать нужные слова было так же трудно, как найти оригинал Черного Квадрата среди сотни других.

– Почему ты больше не можешь жить с ним? У тебя был День Рождения? Тебе уже восемнадцать?

И снова на мгновение в кабинете повисла тишина. Дверь со стоном отворилась и грохнула в недовольстве. Девушка показалась Павлу мокрым речным камешком, выскальзывающим из рук. Только не сейчас, когда правда была так близко.

Женщина в форме с кружками в руках громко опустила их на стол перед мужчиной. Немного чая расплескалось. Павел поднял руку, как дирижер, приказывающий оркестру сделать долгую паузу, замереть в исступленном ожидании. И женщина повиновалась. Это был мир, где правили жесты, взгляды и едва уловимые знаки.

Алиса с жадностью посмотрела на кружку с чаем. Она надеялась, что в нем есть сахар. Ей очень хотелось сладкого. Сладкое напоминало ей о папе, о книгах и музыке. Оно, сладкое, похоже было на облако из нот, повисающих в спертом воздухе ее маленькой комнаты без окон. Она сама извлекала эти звуки. Из всех инструментов, которые только папа мог достать.

Заметив ее пристальный взгляд, майор придвинул к ней кружку, аккуратно, нежно, как только мог. Обычно такого ему не требовалось. Расколоть убийцу оказалось куда проще, чем хрупкую девушку с синими бороздами от шнурков на запястьях.

– Вы не обидите моего папу? – неожиданно спросила она.

– Зачем же? – мужчина выжал из себя самую искреннюю улыбку, подумав при этом: «Я бы его отделал так, чтобы он не встал больше». – Мы только хотим, чтобы он нашел тебя здесь и забрал. Вот и всё.

– Мне только двенадцать. Я считала. У меня есть дома календарь.

Павел и женщина в форме молча переглянулись. Оба нахмурили брови, ощущая подвох. Мужчина, пытаясь не проявлять невербальных знаков, всё же не удержался и помассировал лоб. Не обязательно быть слишком умным и образованным, чтобы уметь разговаривать без слов. Люди делали это намного больше и дольше до того, как научились говорить.

Павел умолк, давая девочке возможность расслабиться и отхлебнуть немного чая. Он посмотрел на наручные часы и не поверил своим глазам. С тех пор, как девочка, назвавшая себя Алисой, появилась в участке, прошло уже пять часов. Теперь она легонько дула на чай, складывая губы трубочкой. В ней не было проявлений ребенка-маугли. Она знала, как пить из кружки, знала, как не обжечься, она говорила, не проглатывая звуков. Но была слишком худа и бледна, как будто жила в землянке. Его посетила мысль о секте или религиозном культе. Но здесь, в Беларуси?

Если, конечно, она отсюда…

– Ты помнишь адрес дома, где жила?

Алиса поставила кружку, но ни один мускул на ее лице не дрогнул.

– Нет, – коротко ответила она.

– Как же? Разве на доме, где ты жила, не было цифры? Названия улицы?

Она дернула плечами и снова отхлебнула чая.

– Я не видела.

– Не видела цифры?

– Не видела дома.

Женщина почти бесшумно опустилась на стул, где сидела и прежде. Она старалась не шевелиться, будто мышь, застигнутая врасплох голодной кошкой.

Майор сделал движение рукой в воздухе, имитируя процесс письма. Женщина тут же схватила толстый блокнот со стола и начала нервно непрерывно писать.

– Ты не выходила из дома?

– Очень редко. Ночью. И только в хорошую погоду, чтобы не простудиться. Папа говорил: я особенная девочка. Мне нельзя быть на солнце.

Павел почувствовал, как мурашки побежали у него по коже. И это у него! Человека, который служил уже тридцать лет. Мышцы, еще довольно упругие и сильные, напряглись под кожей. Рубашка стала слегка влажной. Нужно взять себя в руки, ведь на пенсию выходить еще слишком рано.

Девочка по сравнению с ним казалась непробиваемой скалой. Алиса… Алиса… Любую скалу можно разрушить временем. Нужно только подождать.

– Ну, что ж. Такое бывает. И в школу, значит, ты тоже не ходила?

Тут движения девочки замедлились, словно она услышала что-то грустное. Она медленно опустила кружку и прикрыла глаза большими ресницами.

– Нет. Но мне хотелось бы. Но я не могу.

– Потому что ты особенная.

Она утвердительно кивнула.

В голове Павла, как в компьютере, складывались схемы и уравнения. Но всякий раз не хватало переменных. Или неизвестных было слишком много. Нужно было дать себе передышку, позволить немного свежего воздуха.

– Ты голодная? Есть хочешь?

Алиса дернулась, как будто вспомнила что-то очень важное.

– Наверное, мне нужно поесть дома. Мне готовит папа.

Мужчине снова показалось, что все его попытки раскопать истину похожи на то, как если бы он двигал Боинг силой мысли. И только удавалось продвинуться на миллиметр, как тот снова упирался в стену.

Павел вышел из кабинета, аккуратно прикрыв дверь рукой. Двенадцатилетняя девочка никогда не ходила в школу, а из дому выходила только ночью. На ней нет следов насилия, кроме потертостей на запястьях. У нее есть любимый папа, но тот почему-то раздел ее, завязал руки и выбросил на обочину со словами: *«Ты больше не можешь жить со мной»*.

Павел подошел к одному из патрульных и попросил того купить упаковку картошки фри.

– Ехать в Макдональдс?

– Да хоть на Мадагаскар, – рявкнул майор, о чем тут же пожалел.

Глава 3.
Рождение

1.

Что ты делала на Луне? Что ты делала с чужими кроликами?..

Мама будет волноваться. Она будет стоять у калитки, подперев руки в бока, на ней будет фартук. Он пахнет ванильным бисквитом. И ты пойдешь на запах…

От теня пахнет шоколадом. Кролики пляшут перед глазами, играют в салочки, задирают друг друга. Глупые, глупые кролики. Ты протягиваешь ладони, пытаясь схватить их за короткие хвосты-обрубки, но всё тщетно. Нужно сделать это, пока время не ушло безвозвратно, пока мама еще ждет тебя у калитки.

Девочка шептала что-то, пока маленькая ложбинка над верхней губой снова и снова покрывалась испариной. Мужчина нагнулся над ней, чтобы разобрать хотя бы слово. Но она была такой маленькой, совсем крошечной. Говорить-то толком и не научилась. А сказать что-то в бреду и подавно.

Он смочил полотенце и протер белый лоб, губы, подбородок, маленькую грудку, как у птички. Светлые редкие волосики с медовым оттенком слиплись от крови. Теперь она уже почти остановилась. Как мало, должно быть, в этом теле было крови. Сколько ей на вид? Года три-четыре?

Он силился вспомнить, как выглядела его собственная дочь в этом возрасте. Нет, он не мог. Он так долго стирал всё это из памяти, смотрел на свое прошлое, как на черно-белый немой фильм. Так что, нет. Теперь он не сможет вспомнить.

Мужчина достал аптечку и извлек из блистера капсулу жидкого ибупрофена. Раздавил ее и влил содержимое прямо в полуоткрытый рот. Руки тряслись, а мысли, как неугомонный пчелиный рой, так и жалили в голову.

– Лучше бы ты умерла, – прошептала он девочке на ухо.

Но та не собиралась умирать. Теперь дыхание ее стало ровным, а шепот прекратился. Кролики растворились в сознании, сгорели, как кинопленка. Мужчина вышел из дома и запер входную дверь. Обойдя слева изгородь с плетущимся по ней девичьим виноградом, он спустился в гараж, где остывал мотор серебристого седана. Он стукнул ногой по задней левой шине, как будто машина могла почувствовать боль.

– Проклятое корыто! Проклятье!

Он обошел машину спереди и остановился у правого борта. Там, где красовалась едва заметная вмятина и несколько царапин. Это был сущий пустяк, и ему не было жаль машину. Но он не хотел дергать за ручку двери, не хотел открывать ее, не хотел заглядывать в салон. Как будто это нежелание могло что-то исправить. Как будто стоило только оставить машину здесь на пару дней, и всё само собою исчезнет.

Ему хотелось закрыть глаза, а затем просто очнуться. Да. Очнуться где-то на берегу моря. У него просто случился солнечный удар, и он отключился. Да, так и есть. Сейчас он откроет глаза, весь красный и сгоревший. А рядом будут жена и дочка. Весело бегать вокруг него и насмехаться. Вот они. Нависают над ним, но яркое солнце не дает разглядеть их лица. Что-то зловещее надвигается из-за горизонта. Огромный, дышащий огнем зверь.

От страха он, мужчина, каменеет. В монстров превращаются его жена и дочь, у них оголяются огромные ядовитые клыки. Пошевелиться невозможно. Нет сил. Лучше остаться там, в кошмаре, чем здесь.

Он протянул руку и коснулся ручки задней двери. Там ничего нет, всё исчезло. Это был просто сон. Но смятый трехколесный велосипед там, похожий на груду бесполезного мусора. И сидение серого цвета в крови. Кровь еще не засохла: прошло слишком мало времени, но пятно теперь было похоже на пролитый чай. Никто не поверит в сказку про чай. Этот маленький желтый велосипед, первая детская радость, теперь как памятник. Как крест на могиле, смятый ураганом.

И что теперь остается? Убедить себя, что хорошие люди иногда совершают плохие поступки. В конце концов, никто никогда не совершает зло. Человек встает утром, натягивает тапки на ноги и улыбку на лицо, затем идет в туалет, затем, быть может, он идет просто приготовить завтрак или уничтожить целую нацию. Может быть, даже нажать на красную кнопку и сбросить бомбу на этот чертов мир. Но человек никогда не совершает зло, режет он яичницу или другого человека. Это всегда добро. Из добрых побуждений. Ложь во благо. Подлость во благо. Убийство во благо. Человеком всегда движет добродетель. Потому что так его воспитали. Ему сказали: «Всё, что ты должен делать, – это добро». И всё, что он будет делать впредь, всегда будет добром.

Но так бывает только до тех пор, пока его добро не встретится с чужим. И тогда человек придумает карму, наказание судьбы. Он никогда не верит, что карма ответит ему. Но всегда верит, что она ответит другим.

Это был ветреный летний день. Очень ветреный. Верхушки изумрудных берез так и гнулись. Ощущение надвигавшейся беды преследовало с самого утра. Он выехал в университет, на работу, как и днем раньше. И за день до того. И каждый день. Но сегодня что-то пошло не так. Слишком яркое солнце. Крепление козырька сломалось, и тот просто оторвался. И в тот самый момент появилась она. Слабый тонкий материал, из которого был сделан этот детский велосипед, захрустел. Теперь этот звук неотвратимо будет следовать за ним по пятам.

Он быстро вылез из машины, поднял маленькую девочку с зиявшей раной на голове, поднял остов велосипеда. Желтого велосипеда с ярким принтом. О чем он думал в этот момент? Что чувствовал? Он не помнил. Помнил только, что должен двигаться вперед, добраться до первого съезда и развернуться.

Пусть решение было неверным, но хорошие люди порой совершают ошибки. А ошибки нужно исправлять. В конце концов, если никто ничего не видел, то и ошибки никакой нет.

Мысль эта заставила его немного приободриться. Ведь он привез девочку сюда, к себе домой, остановил кровь. Теперь нужно было избавиться от велосипеда. Вернее, того, что от него осталось. И избавиться от обивки.

На работу сегодня он уже не выйдет. Не такая уж это и редкость, чтобы профессор не вышел на прием экзамена. Ему быстро найдут замену, да и студенты будут счастливы. Он позвонил в деканат и сказался больным. Квалификация его была слишком высока, чтобы допустить мысль о лжи. У него есть пара дней, чтобы всё исправить.

Профессор бросил искорёженный детский велосипед в багажник, закрыл машину и вернулся в дом.

Сейчас настенные часы показывали двадцать минут второго. Он удивился тому, куда могло так стремительно деться время. Закатилось ли оно за диван? Разбилось, словно хрустальная ваза, упав с высокой полки? Теперь его осколки поблескивали на лбу этой маленькой девочки. Пухлые белые ручки лежали вдоль тела. Она походила на фарфоровую куклу. Профессор помнил, что в детстве у его матери была такая. Она никому не позволяла к ней прикасаться. И от этого желание потрогать ее становилось только сильнее.

И он потрогал. Да так, что кукла рассыпалась на мелкие осколки. Тем вечером он надолго слег в постель, потому что мать отделала его так, что живого места не было. Но это было нормально. Хорошие матери никогда не поступают плохо. Всё, что они совершают, – это добродетель.

И он зарубил себе это на носу.

Девочка размеренно дышала. Он аккуратно взял ее под голову, чтобы рассмотреть рану. Но волосы слиплись от крови, и теперь никак не удавалось их распутать.

Он снова намочил полотенце и постарался очистить волосы. При каждом касании полотенце становилось алым. Наконец, добравшись до рассечения на голове, он убедился, что рана не была такой глубокой, как ему представлялось. Сколько же крови может вытечь из головы при таком пустяковом порезе?

Профессор точно не мог знать, пустяковая ли рана, ведь он преподавал философию и литературу, но не медицину. Но в аптечке всегда держал нужные средства. С тех пор, как жена ушла от него, забота о самом себе входила в перечень его обязанностей. Он сам готовил, сам стирал, сам убирал, сам платил за маленький домик за городом, сам заправлял машину, сам себя утешал. Иногда даже говорил сам с собою. Но от одиночества его любовь к студентам всегда только усиливалась. Часто он спускал им даже самые вредные выходки. Но иногда, оставаясь в тишине, рвал на себе волосы, кричал в закрытые окна, метался по дому, пока не падал без сил.

Теперь ему не было грустно. Было страшно. Он испытывал внутренний трепет. Но не грусть. Профессор аккуратно обрабатывал рану перекисью водорода, затем заклеил пластырем и обвязал голову бинтом. Под носом у девочки тоже запеклась кровь. Он аккуратно стер и ее. Желтый сарафан был почти чистым, и это было странно. Только несколько маленьких капель крови. Но каких только странностей не бывает!

2.

Уже было совсем темно, когда профессор закопал велосипед под кустом малины. Земля там была рыхлая, свежая, словно пух, так что сделать это было совсем не сложно. Сперва он хотел просто выбросить его на свалку, но потом подумал, что это опасно. Почему он так подумал, если ничего плохого не делал? Он не мог ответить. И всё же пусть лучше будет покоиться под малиной.

Он содрал обивку с сиденья. Глупо было бы надеяться, что само сиденье осталось чистым. Поэтому пришлось сходить в ванную за отбеливателем и тщательно всё отмыть. Когда он закончил, перевалило уже далеко за полночь. Ветер всё так же гнул темные верхушки берез и стучался в окна, надеялся просочиться в дом.

К трем часам утра профессор рухнул замертво на пол от усталости. Некоторое время он еще сидел возле девочки, щупая ее пульс и прислушиваясь к дыханию. Может быть, стоило оставить ее там, может быть, так было бы лучше. Но он был хорошим человеком и глубоко в это верил. И он правильно сделал, что не оставил ее там, умирать на солнце. Он взял ее с собой, привез сюда. И теперь надеялся, что опасность позади.

Его маленький дом был окружен густой растительностью. На маленьком участке невозможно было вырастить картошку или капусту. Поэтому он решил, что по краям высадит кусты малины и ежевики, а в глубине сада несколько маленьких слив, яблонь и груш. На участках соседей красовались размашистые сосны, березы и клены, в ветвях которых всегда гудел ветер и путалось солнце, не доходя до земли. Он ненавидел это. Всегда ненавидел эту тень, этот полусумрак, эти гнилые листья у своего забора.

Но этим утром сумрак был не так уж и плох. По крайней мере, солнце не ударило ему в лицо, не разбудило в семь утра.

Он вскочил, отряхнувшись ото сна, когда на часах было уже около одиннадцати. Мужчина, словно отупев, смотрел на стрелки, не в силах понять, какой сегодня был день, и почему он не на работе. Сегодня он должен был принимать экзамены у другой группы студентов. А затем вспомнил события вчерашнего дня. Вспомнил о машине, о велосипеде. И только потом о девочке. Повернув голову к дивану, он увидел всё то же маленькое бледное тело. Но грудь девочки ровно поднималась и опускалась. Слишком сильно она ухватилась за жизнь. Видно, у кого-то на нее были большие планы.

А что, если она так и продолжит здесь лежать всю жизнь? Что, если так и не проснется? Такая маленькая спящая красавица. Где найти для нее возлюбленного принца, чтобы разбудил своим поцелуем?

Вслед за мыслью о принце у него появилась другая. Кто-то должен был, наверное, уже искать ее. Кто-то, может быть, уже набирает номер его телефона, чтобы спросить: *«А это не у вас ли наша маленькая дочка?»*.

Кто-то сейчас, в этот самый момент стоит за дверью и силится позвонить в звонок. Осматривает его маленький зеленый дворик, вглядывается в окошко у входной двери, смотрит на плетущийся виноград. Профессор вскочил и подбежал к окну. Немного отодвинув жалюзи, он взглянул во двор: там никого не было. Мужчина снова подумал о том, что неплохо было бы завести собаку. Но он не любил собак. Больше предпочитал кошек. Тихих, шуршащих по углам, смотрящих на всех высокомерно. У него не было кошки. Но он с удовольствием иногда прикармливал соседскую. И хоть соседка справа, редкостная заноза в заднице, всякий раз предупреждала его этого не делать, он всё равно делал. Потому что считал себя добрым человеком.

Стон за спиной заставил его подпрыгнуть на месте. Скорее это был даже не стон, а писк, как будто маленькая мышка прищемила хвост мышеловкой. Девочка открыла маленький рот с мелкими зубками и снова пропищала. Теперь она приоткрыла глаза и повернула голову в его

сторону, точно заранее зная, куда смотреть. Но глаза ее были невидящими, как у новорожденной. Он-то точно это знал, потому что, как бы ни старался, не мог выбросить из памяти тот самый день, когда появилась на свет его собственная дочь.

Он ожидал, что сейчас девочка позовет маму, заплачет, а он, профессор, ничего не сможет ей объяснить. Как он сможет объяснить ей, такой крошечной, что это был несчастный случай. И скоро он вернет ее домой.

Но она издала только протяжное: *«А-а-а…»*.

Ну, точно, будто новорожденная! Профессор осторожно приблизился к ней и погладил по забинтованной голове. На него уставились зеленые глаза, и на мгновение показалось, что это бездомный котенок, которого он просто приручил.

Профессор пытался отыскать немой вопрос в этих глазах. Ведь только так он мог подобрать ответ. Ему нужен был вопрос. Но вопроса не было. Девочка просто смотрела на него, как будто он был целой Вселенной, звездным небо, которое можно было читать. Она снова открыла маленький рот и издала на этот раз хрип.

Он, повинуясь какому-то странному, неожиданному порыву, метнулся на кухню, взял стакан и наполнил его фильтрованной водой. Затем вернулся в комнату и аккуратно дал девочке сделать глоток. Она зажмурилась, как будто испытывала удовольствие, но на деле только боль, и мир для нее снова скрылся в лунном кратере, где плясали маленькие сверкающие кролики.

3.

Еще один странный день остался позади. Зеленые глаза иногда открывались и внимательно смотрели на него, а затем снова закрывались. Иногда ее лихорадило, но температура быстро спадала. Страх, казалось, теперь отступил. И его место занял нарастающий гнев.

Он, профессор, ощущал, как его собственная жизнь взяла паузу без его ведома. Как будто какая-то часть его просто собрала чемодан и отправилась в отпуск. А другая часть, та, которая носила в себе «я», осталась здесь, посреди океана, в маленькой лодке без весел. И всё потому, что кто-то отпустил эту маленькую девочку с ее маленьким велосипедом поиграть на улице. Всё лишь потому, что кому-то вовсе приспичило родить эту маленькую девочку. И никто не поймет, что он, на самом деле, ее спас. Он взял ее на руки и принес сюда, в свой дом.

Никто не поймет. Но это не его вина. Чьи-то решения – не его вина.

Ему необходимо отправиться на работу, иначе от него потребуют справку. А он не сможет дать справку о том, что несколько дней заботился о девочке с сотрясением мозга. А может быть, ещё и с чем похуже.

И эта назойливая мысль, которая так и свербела где-то в голове. Как в те моменты, когда тебе чешется спина, но ты так и не можешь разобраться, где. Мысль, скользкая и дурная. Что он будет делать, если девочка умрет здесь, на диване?

Ничего. Как и в тот раз, когда умерла его дочь. Она, правда, умерла не на диване, а на больничной койке. Но он смог пережить это, остался твердым, непоколебимым. И с этим жена не смогла смириться. С его стойкостью. Она хотела, чтобы он рыдал, метался, словно загнанный зверь, но он схватил зверя за горло и посадил в крошечную клетку.

Клетка… Ему стоит подумать о том, как быть дальше. Розовые летние сумерки, точно легкий зефир, легли на обеденный стол через кухонное окно. Завтрашний день всё равно наступит. Профессор стоял у окна, скрестив руки, обдумывая завтрашний день.

Под гаражом у него есть маленький погреб. Там он хранил консервы, варенье и овощи. Там не было окон, но была лампа и вентиляция. Там тепло и сухо. Он, профессор, бережно относился к каждому уголку своего дома, даже самому темному. И ненавидел, когда вещи оказывались не на своих местах. Ей тоже нужно найти своё место.

Мужчина вышел из дома и снова обогнул изгородь, чтобы зайти в гараж. Он вспомнил, что путь в погреб преграждает машина: дверь была прямо в полу под ней. Профессор выругался и по привычке посмотрел по сторонам. Он сел за руль и выехал из гаража. Затем взял ключ от погреба и открыл массивный навесной замок. Вспомнил, что нужно включить свет в погребе. Металлическая дверь подалась. Свет внизу был желтым и тусклым. Он спустился по деревянным ступенькам в помещение, похожее на бункер. Пахло чем-то старым и забытым. Но плесени здесь не было, стены были кирпичными, по бокам на полках стояли банки с огурцами и помидорами, варенье, морковь и картошка. Температура здесь редко поднималась выше пяти градусов. И это была главная проблема. С тем же успехом он мог засунуть девочку в холодильник.

Мужчина обхватил свой затылок руками, сцепив пальцы в замок. Глубоко вздохнув, он закрыл глаза, пытаясь отыскать нужное решение. И оно не заставило себя долго ждать. В гараже у него был инфракрасный обогреватель. Иногда зимой его старый котел не справлялся со своей задачей, и тогда приходилось включать обогреватель. Его теплые излучения порой были единственным средством уснуть, когда не помогало уже ничего. Если провести пару удлинителей из гаража и положить девочку прямо под обогреватель, то она останется невредимой.

Теперь осталось отыскать матрас.

Глава 4.
Вернешься домой – ключ под камнем

1.

Это был бесконечный день с вопросами. Потом был еще психолог – женщина лет тридцати. И Алисе она не понравилась. Ей никто не нравился здесь. Потом ее отвезли в клинику, где врач долго и небрежно осматривала ее. Ей нравился запах клиники. Там меньше пахло людьми и больше – чем-то таинственным, незнакомым, чужим, но в то же время простым. Она доверяла этому запаху. Но не людям. Она доверяла холодным предметам, которые касались ее тонкой кожи, но не теплым пальцам.

Когда стетоскоп прикоснулся к ее груди, она зажмурилась от блаженства. Этот холод так успокаивал. Холод всегда успокаивал ее.

Она старалась выполнить каждую команду врача, но иногда от волнения путалась, хотя хорошо знала разницу между правой и левой стороной, вдохом и выдохом.

Когда врач осматривала ее голову, Алиса чувствовала, как волосы путаются у нее, врача, в пальцах. И тогда девочке казалось, что еще немного, и она закричит. Но не кричала. Сдерживала даже стон.

На осмотре с ней была та самая женщина в форме, которая задавала вопросы в кабинете. Теперь женщина сидела поодаль, не говоря ни слова. Она Алисе тоже не нравилась. И Алиса не нравилась ей. И еще медсестра сидела за столом и записывала то, что диктовала врач.

Врач надолго задержалась в волосах Алисы. Теперь ее пальцы медленно и методично бродили по коже, будто хотели пробраться в голову.

– Хм…

– Что? – не выдержала женщина в форме.

– Мне кажется, здесь была травма.

Она снова и снова давила пальцами на голову девочки, как будто это был футбольный мяч.

– Травма? Какая травма? – воодушевленно спросила женщина в форме.

Они все будто участвовали в раскопках. И вот, наконец-то, докопались до истлевших костей мамонта.

– Не уверена, – сказала врач и обратилась к медсестре. – Но запиши: «Имеется несколько крупных шрамов на голове в теменной области».

– Это серьезно? – спросила женщина в форме.

Врач пристально посмотрела на девочку.

– Пока рано что-то говорить. Но я бы дала направление на МРТ. Она может показать больше. Скажи, Алиса, сколько было тебе лет, когда у тебя начались… месячные?

Сперва девочка не поняла, что врач обращалась к ней. Слишком быстро всё происходило. Слишком стремительно. Когда Алиса никак не отреагировала, врач направила ее внимание на себя, щелкнув пальцами перед лицом.

– Ты меня слышишь? Можешь сказать, как давно у тебя месячные?

– Восемь лет, – испуганно ответила Алиса.

Врач нахмурилась: она знает, что такое месячные, у нее хорошее физическое состояние, если не считать дефицит веса.

– Зачем же ты выдумываешь, что тебе двенадцать лет? – спросила врач менторским тоном.

Алиса никогда не выдумывала. Только иногда перед сном сама рассказывала себе сказки. Так было проще уснуть.

– Я не выдумываю.

– У нее месячные с восьми лет? – спросила женщина в форме.

Алиса не испытывала неловкости, слыша, как чужие люди обсуждают ее месячные. Она испытывала острое желание поскорее сбежать и оказаться дома. Но это было невозможно.

– Ей не двенадцать. Я бы сказала, что ей шестнадцать. И она в хорошем состоянии, кроме пары-тройки…

Врач запнулась, не зная, какое слово подобрать. Девочка не походила на жертву насилия, не была дикой, как ребенок-маугли, хорошо говорила.

– Чего? – спросила женщина в форме.

– Шрамы на голове, недоедание, синяки на запястьях – мне сказали про шнурки. Мне кажется, она водит вас за нос, Катерина Леонидовна.

Алиса впервые услышала, как зовут эту аккуратную чопорную блондинку в милицейской форме.

– Что вы имеете в виду?

– Да сбежала она из дома! Попала в компанию, там над ней поиздевались, так? А теперь она ничего говорить не будет.

– По беглянкам всё чисто.

– Это уже вопрос к опекунам. Папа ведь у нее есть? А то, что он ее выкинул, – ложь. Вот вам мое мнение. Какой нормальный отец разденет свою дочь догола и выкинет на обочину?

– Нормальный – никакой, – подтвердила Катерина.

– Ко мне жертв насилия приводят нередко, – сказала врач. – И ведут они себя не так.

Алиса не понимала, про каких жертв насилия рассуждают эти женщины. Она не считает себя жертвой. Она просто хочет домой. И, казалось, твердила об этом с самого начала. Но ее никто не слышал. Или, быть может, она лишь в агонии беззвучно открывала свой рот, но из него не выходило ни звука.

2.

Теперь она была дома.

Не у себя дома.

Незнакомые запахи и яркий искусственный свет. В каждой комнате – окна. Большие окна. Всюду окна.

Павел приказал жене закрыть жалюзи и приглушить свет. Сегодня у них необычная гостья. И всякий раз, когда ее сажали в машину, она вздрагивала и вскрикивала. Ей казалось, что дневной свет испепеляет ее. Но больше всего она хотела есть. И хоть к картошке, которую ей предлагали в участке, она не притронулась, сейчас запахи в квартире мужчины майора заставляли ее живот прижаться к позвоночнику.

Эта женщина, хозяйка квартиры, была очень большой. Таких больших женщин Алиса никогда не видела. Разве что только, может, в кино. Но точно вспомнить она не могла.

В ее доме никогда не было женщин. И сама себя она женщиной не представляла. То есть знала, что тоже женщина, но не понимала, как должна чувствовать себя, что должна говорить.

У большой женщины, хозяйки квартиры, были коротко остриженные черные волосы, румяные щеки и маленькие голубые глаза. Первым делом женщина отложила свои дела на кухне и вышла в коридор. На ней был белый передник, она вытирала об него руки. Алиса рассматривала ее, как удивительный экспонат, хотя удивительным явлением тут была она.

Женщина широко улыбнулась, и в уголке рта засверкал золотой зуб, как единственная звезда в ночном небе, которое Алиса так сильно любила. Все эти запахи, звуки, оттенки. Они пугали и в то же время восхищали ее. Папа учил ее восхищаться всему необычному.

– Здравствуй, красавица, – женщина протянула руку. Глаза Алисы расширились. Ей нравились человеческие руки, она и сама не знала, почему. И эта рука была белая, гладкая и большая.

Девочка хотела прикоснуться к ней и даже, быть может, понюхать. Но вместо этого она съежилась и спряталась за спину Павла. Мужчина сделал движение руками, говоря тем самым: «Никаких рукопожатий». И улыбка женщины тут же померкла.

– Я приготовила ужин, – произнесла она очень тихо и не так воодушевленно, как приветствие.

– Хорошо, – сказал Павел. – Мы расположимся и выйдем.

Такое в его практике случилось впервые: он привел домой девочку, возникшую из ниоткуда. Обычно всё было наоборот: люди исчезали, и их приходилось искать. Чаще всего «исчезнувшие» находились очень быстро. Они терялись после бурной ночи у друзей, прятались от разъяренных родственников, или просто решали изменить свою жизнь. Иногда, правда, всё заканчивалось не так радужно. Порой причиной пропажи людей была смерть. В этой работе она неотъемлемая часть всего. Она ходит по пятам едва слышной поступью, выглядывает из темных углов, прячется в улыбках прохожих и ласковых словах.

Никому не доверяй. А если веришь всем, то сделай это своей сильной стороной. Ибо родившись, ты подписал самому себе смертный приговор.

Иногда, конечно, находили детей, сбежавших от родителей, от опекунов и из приютов. Их быстро возвращали, но этот случай был другим. И он, Павел, не воспринял слова доктора всерьез. Он не верил, что девочка просто связалась не с той компанией. Зато начинал верить, что она, как звездный мальчик, упала с небес. Он! Человек, для которого прагматизм и цинизм были неотъемлемыми приоритетами. Но в этот день в нем что-то надломилось.

Павел открыл дверь и показал Алисе комнату, в которой она проведет ночь. Большая кровать с сиреневым покрывалом, сиреневый ковер и фиолетовые стены, похожие на звездное небо. Ей нравилось здесь всё, кроме запаха.

– Здесь никто не живет, – неожиданно сказала она. Время от времени она всегда говорила что-то неожиданное, вместо того, чтобы четко отвечать на вопросы.

– Да, – подтвердил мужчина. – Мы здесь редко бываем. Тут жил наш сын, пока не вырос. Но мы давно сделали ремонт.

Касаться вещей ей было намного привычнее, чем людей. Вещи не были теплыми, не были холодными, они не издавали импульсов. В них не было характера. Только линии и фактура. Алиса медленно ступала по ковру и трогала покрывало, шкаф с книгами, письменный стол. Здесь пахло вещами, которыми никто не пользовался. Если бы ее спросили, как ощущается этот запах, она бы сказала: *«Как бездна»*.

И теперь Алиса была такой же вещью. Ненужной, выброшенной на обочину.

– Ты побудешь здесь, пока… Мы не найдем твоего папу.

Алиса присела на край кровати, он покорно принял ее форму.

– Вам не нужно лгать мне, потому я незнакомый человек.

Вот опять. Опять она сказала что-то, что не могло не ввести в ступор даже самого матерого офицера. В одном врач была права точно: перед ним не маленький ребенок.

– Разве лгут только знакомым?

– Думаю, так должно быть, – ее взгляд с поволокой устремился прямо на него. В полумраке ее глаза казались чудовищно большими. Он ведь не верит в призраков. Не верит в демонов. Тогда почему внизу живота всё скрутило?

– Почему же?

– Ложь носят, как маску. Она помогает скрыть настоящие страхи, боль, злость. Какой смысл скрывать это перед незнакомцами?

– Почему ты считаешь?..

Он попал в ловушку. Каждое необдуманное слово теперь могло завести в капкан. Она словно расставила силки. Спроси у нее – почему она считает, что ты лжешь? Ловушка захлопнется.

Спроси у нее – откуда она так много знает про ложь – ловушка захлопнется. Не спрашивай у нее о том, что знает она. Спроси у нее о том, чего не знаешь ты.

– Ты знаешь, что с тобой случилось сегодня. Ты знаешь, почему ты сейчас здесь. Ты знаешь, что будет завтра. Есть только одна вещь, которой ты не можешь понять, – она заинтересованно распахнула свои большие глаза. – Почему всем этим людям нужно знать то же?

Ее брови взмыли вверх, образовав между собой маленькую бороздку. Он попал в цель. Наконец-то. Он нашел то самое тихое безопасное место, где не было никаких силков. В этот самый момент дверь в комнату тихо приоткрылась.

– Выходи, когда будешь готова, – сказал Павел и вышел, пятясь, как рак, назад. Как будто боялся, что призрак, если на него не смотреть, исчезнет.

У входа стояла большая женщина, нервно вытирая руки.

– Пусть соберется с духом, – сказал ей Павел, предвосхищая жалобы.

– Черти что! – шепотом «прокричала» женщина. – Тебе за это премию дадут, а?

Как всегда, женщин интересовали только премии. По крайней мере, такая мысль пронеслась в голове Павла.

– Я же тебе говорил, это временно.

– Всё, как в том фильме…

Павел вошел в кухню и замер.

– В каком фильме?

– Про похищенную девочку.

Он бросил на жену взгляд *«да-ты-спятила-женщина»*, но ощутил, будто кто-то заехал ему обухом по затылку. Это место сильно заныло, и Павел приложил к нему руку. Он был готов поклясться, что там должна была быть шишка. Но шишки не было.

Вслед за этим ощущением по телу пробежала мелкая дрожь. Все укромные места в его теле разом напряглись, точно почувствовали опасность.

– Я не смотрел этот фильм… – задумчиво произнес майор. Но женщина только пожала плечами.

Он как ошпаренный рванул к телефонному аппарату. От этого резкого движения в комнате даже подул легкий ветер.

– Что такое? Что? – удивленно спросила жена.

Павел нервно набирал номер, давя на кнопки, как будто это могло помочь поскорее решить дело. Он слушал гудки, кусая губы, словно подросток, томящийся в ожидании возлюбленной.

– Аня, это Павел Спартакович. Пробей базу по пропавшим без вести пятнадцатилетней давности. Может, и десятилетней. В общем, от две тысячи пятого… Сейчас… *Сейчас.*

Если бы телефонный аппарат имел старую конструкцию, то трубка разлетелась бы в дребезги от удара о поверхность стола. Но этот был маленький, почти мобильный, и он только шумно упал.

Едва только неприличное матерное слово готово было сорваться с его губ, как за спиной появился «призрак». Девочка оказалась здесь так бесшумно, что его мог бы хватить удар от испуга.

Тонкий силуэт стоял в огромном свитере и пристально всматривался в его лицо. Нет, ей было плевать на его черты. Она всматривалась в его чувства. Так, бывает, делают собаки. Они читают человека не по мимике. Они способны «нюхать» эмоции. Страх, гнев, радость… Она делала то же, он мог в этом поклясться на Библии.

– Хочешь… есть? – спросил Павел.

– У меня нет выбора.

Нет выбора.

Он усадил ее за стол, как и несколько раз прежде в этот день. Алиса покорно заняла место, но что-то в ее осанке говорило: она не хочет.

Большая женщина поставила перед ней тарелки с золотистым супом, кашей, рыбой, бутербродами.

– Я еще испекла пирог… – не успела женщина произнести эти слова, как маленькие цепкие руки схватили ее.

С видом голодного маленького зверя девочка начала рассматривать пухлую белую руку женщины. Та с ужасом наблюдала за происходящим, хотела вырвать руку, но Павел остановил ее одним лишь взглядом.

Девочка нюхала руку, трогала ее, прижимала к себе, точно щенок.

– Это пирог… Пирогом пахнет, – сказала женщина.

Этот голос подействовал на Алису, как будильник, приведший ее в чувства. Девочка тут же отпустила руку и сжалась, как котенок, нагадивший в тапки.

– Всё хорошо, – сказал Павел.

Он взял ложку и начал медленно есть суп. Девочка повторяла за ним, как будто только и ждала команды.

3.

За прошедший вечер она больше не произнесла ни слова. Только поела и легка спать. Утром Павел нашел ее лежащей на полу. Девочка укуталась в одеяло и тихо сопела. Казалось, ей было уютно там. Теперь он вынужден был снова забрать ее с собой в участок. Теперь она стала его делом, которое он должен был брать домой, таскать на работу.

Гнев на человека, выбросившего ее на дорогу, постепенно нарастал, превращаясь в ярость. Он закипал, и костяшки его пальцев невольно белели, когда Павел сжимал руки в кулаки.

Она попросила сегодня посидеть на полу. В углу. Там она сжимала в объятиях белого медведя, которого кто-то из жалости сегодня притащил в участок. Ей не нужна была жалость, ей нужен был дом. И, судя по всему, человек, которого она называла «папой».

Примерно каждые пять минут в его памяти всплывала картина, где Алиса обнюхивала руку его жены. В этом было что-то дикое, устрашающее, первобытное.

Павел ждал результатов проверки по базе, но никто не стучал в его кабинет, никто не входил. Он был готов даже, чтобы дверь вынесли прямо с ноги. Но ничего такого не происходило.

К обеду кто-то тихо постучал. Как раз тогда, когда он просматривал отчеты по работе.

– Да! – закричал он, как сумасшедший.

Девочка, задремавшая на полу, вскочила, как ошпаренная.

Но это была всего лишь уборщица. Майор готов был растерзать ее, хотя и понимал, что та ни в чем не виновата. Женщина с густыми седыми волосами оставила ведро и швабру за дверью. Она улыбнулась Алисе, как будто эти двое были знакомы всю жизнь. Стало понятно, кто принес медведя.

– Ну, что?

Женщина, немного хромая, подошла к столу и протянула скомканную бумагу серо-коричневого цвета.

– Это что еще такое? – терпение Павла подходило к концу.

Женщина невозмутимо пожала плечами:

– Нашла в мусорном ведре. Подумала, может, вам надо.

– Что? – протяжно застонал Павел.

– Да вы посмотрите, разверните, – настояла женщина и, ковыляя, вышла из кабинета.

И майор посмотрел. Развернул. Это был смятый пакет из закусочной. На внутренней стороне было написано:

«Евгения Малько. Вернешься домой – ключ под камнем».

Глава 5.
Кроличья нора

1.

Теперь кролики уже не кажутся такими яркими. Они стали прозрачными, как твои слезы, сквозь которые смотришь на мир. Четких линий больше нет. Ты словно вглядываешься в мутную воду, пытаешься рассмотреть древний затонувший город. А он только отдаляется, круги на воде расходятся. Твое сердце, такое горячее и влажное, выскальзывает у тебя из рук, падает в воду с глухим стоном.

Вода теперь становится красной. А кролики, как стекло, ты смотришь в них, мир искажается.

Так хочется открыть веки, но они тяжелые, будто свинцовые. И это самое мучительное.

Профессор не мог рисковать и ехать в университет на своей машине. Нужно быть полным глупцом, ведь кровь пропитала сиденье, а заменить его сейчас просто невозможно. Поэтому в университет он отправился на автобусе. А чтобы поскорее добраться до дома, пришлось взять такси.

Благо поселок Зеленый, в котором он жил, – всего в получасе езды от Гомеля. Но для такси – это слишком дорого. Он не сможет позволить себе такое удовольствие. Может быть, кто-то другой смог бы. Но не он, простой преподаватель.

Странная мысль вдруг возникла в голове: лучше бы девочку сбил кто-нибудь другой, побогаче. Но что уж теперь сокрушаться.

Профессор попросил высадить его на остановке, откуда опрометью рванул домой. Был жаркий летний день. Он ненавидел работу летом. Потому что даже в самые жаркие дни приходилось надевать костюм. Он чувствовал себя мокрым и грязным, когда открыл дверь в погреб. Тут же ему снова почудилось, что всё случившееся – только плод его воображения. Не будет там никакой девочки. Там только банки с огурцами и вареньем. А если девочка и была, то, быть может, уже поправилась и ушла домой?

Но он-то знал, что домой она сама не уйдет. Велосипед ее закопан в малиннике, а в голове у нее рана.

Девочка лежала там, где он ее уложил, на старом матрасе, под обогревателем. Глаза у нее были приоткрыты, и с них стекали слезы. Глазные яблоки шевелились, а губы что-то нашептывали. Должно быть, она снова была в бреду. Но ровно дышала. Он влил ей немного воды в рот, придавив язык так, чтобы он не запал.

Казалось, что детская пухлость маленьких ручек немного уменьшилась. Хотя это мог быть очередной плод его воображения.

Странно, но сейчас он больше не испытывал гнева или злости. Скорее, наоборот. Он с умилением смотрел на этот белый лобик, светлые волосы, дрожащие маленькие губы. Ему хотелось уберечь ее, избавить от боли. Кем же нужно быть, чтобы бросить своего ребенка на обочине? То есть так он думал. Маленькие девочки не должны ездить на маленьких велосипедах по обочинам.

Хорошие родители так не поступают. А плохие люди не должны заводить детей. И это даже хорошо, что они будут волноваться.

Мужчина нежно погладил девочку по руке, и перед глазами снова пролетели вспышки воспоминаний. Он гладил другую маленькую белую ручку. Только у его дочки были светлые

волосы, такие светлые, что в них можно было смотреться, как в зеркало. И светлые были ресницы, и брови. Когда дочка умерла, они с женой едва не сожгли друг друга в ненависти. Их жизнь, словно бутылка с шампанским, которую хорошенько потрясли, взорвалась бурной пеной. Они собрали все фотографии своей малышки, развели костер на заднем дворе и превратили память о ней в пыль. На следующее утро наступило похмелье. И похмелье это длилось слишком долго. Его жена нашла единственный способ избавиться от похмелья – порвать с браком навсегда.

Он же мучился от похмелья до сих пор. И к тому же не мог вспомнить лицо своей дочери. Какие были у нее глаза? Какая улыбка? Какие щеки? Были на них ямочки? Он мог вспомнить только светлые волосы. Они были длинными, гладкими, рассыпались, когда ветер путался в них. Но потом волосы выпали. И всё ее лицо как бы растворилось, исчезло.

Он остался один в этом доме, скрылся от мира за стеной девичьего винограда. И вот теперь другая малышка нашла его, нашла свой новый дом.

Девочка снова закрыла глаза и уснула.

2.

Ближе к полуночи он, наконец, включил компьютер. Последние дни он оттягивал это, как мог. Здесь, в стенах собственного дома, жизнь казалась ему безопасной, застывшей, укромной. Но горящий монитор компьютера представлялся ему окном, в которое на него смотрит весь мир. Наблюдает, ищет в нем изъяны. Он не пользовался социальными сетями, как другие его коллеги и студенты. Время от времени разговоры о них велись в коридорах и аудиториях университета. Но происходило это вскользь, будто способ заполнить образовавшееся пространство, как разговоры о погоде.

Но профессор никогда не относился к этому серьезно. На компьютере он готовил материалы для лекций и семинаров, просматривал электронные библиотеки. Читал новости. Чаще он использовал для этого телевизор. Но сейчас он должен был сделать это.

Сделав в поисковой строке запрос, мужчина быстро пролистал всё, что его слабо сейчас интересовало: экономика, политика, кризис, терроризм…

«Беларусь готова к партнерству со всеми странами» …

«45 беженцев получили гражданство» …

«Чемпионат мира может быть сорвана из-за хакеров» …

Ни слова о пропавшей или похищенной девочке. Он почувствовал, как ярость снова закипает в нем. Где-то в глубине души, на самом дне, окутанном мраком, он мечтал, чтобы его нашли. Чтобы в его дверь постучали. Но, казалось, никому не было дела до маленькой девочки у него в погребе. А ведь он даже понятия не имел, как ее зовут.

Чемпионат мира куда важнее, чем яма, в которую он угодил.

Профессор снова сделал поисковой запрос. На этот раз он ввел *«Пропал ребенок»*. Прокрутив несколько неактуальных новостей, он наткнулся на статью со вчерашней датой.

«В деревне Валики Гомельского района пропал ребенок. Девочка. 5 лет…»

Это она! Сердце его бешено заколотилось, в ушах кто-то нервно начал бить кувалдой. Каждый удар он ощущал в своих глазах. В его голове как будто кто-то заложил динамит. Перед глазами на мониторе плясали красные пятна. Теперь он знал, что ей всего лишь пять лет. Теперь он знал, как ее зовут. Он точно знал, какое платье на ней было надето, ведь она до сих пор в нем. Он точно знал, какого цвета ее волосы. И глаза, светлые, с зеленоватым оттенком. И желтый велосипед, похороненный у него во дворе.

Мужчина почувствовал, как в грудь вонзается острый кинжал животного страха. Только сейчас он точно понял, что это маленькое хрупкое создание у него в погребе – не плод его воображения, не его маленькая тайна. Она реальна, и о ней знают все. Теперь о ней знают в соседней деревне, путь через которую пролегал к выезду на трассу. О ней знают и здесь. О ней знают даже его соседи. Точно.

Он мог бы положить ее в машину и выбросить где-нибудь подальше. Никто никогда не узнает, что она была здесь. Он сотрет ее из своей памяти, как стер лицо собственной дочери.

С фотографии на него смотрела маленькая девочка, широко улыбавшаяся своими маленькими молочными зубами. В руках она держала куклу, а рядом стоял маленький желтый велосипед.

Мужчина у монитора смотрел на фотографию, как завороженный. Казалось, что он не видел ничего прекраснее. Удивительный маленький ангел. Нет, она другая. Не такая, как его дочка. Не такая, как другие дети. Теперь она его маленькая девочка, и он защитит этого ангела.

Лицемеры и лжецы будут бегать вокруг, искать ее под каждым кустом, делая вид, что им не всё равно. А потом, через месяц-другой, напрочь обо всем забудут. Усядутся поудобнее в свои засаленные кресла у телевизора, чтобы смотреть футбол. Им будет всё равно. Они забудут

это лицо, забудут эту улыбку, эти взлохмаченные серовато-русые волосы. Они забудут, а он нет. Он, профессор, будет единственным человеком, которому будет дело. Ему не все равно.

3.

Студенты снова ждали его сегодня, чтобы сдать экзамен. В общем-то ему давно уже было плевать на их успехи и баллы. Иногда он даже не слушал, что они ему говорили своими неуверенными дрожащими голосами. Они ни черта не понимали.

Профессор преподавал уже целых двадцать пять лет и знал: они не могут понять ни слова. Философия для них – всего лишь скучное дерьмовое препятствие на пути к мировой славе. Каждое новое поколение студентов думает, что заново открывает этот мир, думает, что их кто-то ожидает за пределами серых университетских стен. И так каждый раз. Но мир не меняется. Если бы студенты вникали в то, что он им говорят на лекциях по философии, хотя бы на пару процентов так же, как они вникали в высшую математику или английский язык, то проблем в мире было бы меньше. Ведь только этому он и пытается их учить. Философии жизни.

А литература для них – просто поганая трата времени. Или, может быть, это он был поганым преподавателем. Когда в последний раз он сам брал в руки современную литературу? С тех пор, как умерла дочь, – ни разу. А ведь прошло уже восемь лет. Но ему казалось, это была какая-то другая, прошлая жизнь. Жизнь, в которой были краски.

В этой жизни он смотрел на всё, как на немое черно-белое кино. Менялись лица, голоса, улыбки, а он просто сидит в кресле, в пустом кинотеатре, посреди пустых серых одиноких стен. И смотрит в этот экран.

Ему нужно было ехать на работу. И именно этим утром она открыла свои глаза. Посмотрела вокруг осмысленно и вроде бы даже понимала, что происходит. Но в этот самый момент не была похожа на ту девочку с монитора. Она даже попыталась привстать, и профессор помог ей. Тут же ее маленькое милое личико скривилось от боли, она простонала и потрогала то нежное место на голове, которое он заклеил пластырем и перевязал.

– Тише-тише! – постарался он ее успокоить.

Она, кажется, прислушалась и внимательно посмотрела на него.

– Болит? – спросил мужчина.

Она утвердительно покивала и опустила глаза. Раз может сказать, что болит, значит, не потеряла рассудок.

– Помнишь, как тебя зовут?

Она снова внимательно посмотрела на лицо человека, вспомнить которого не могла. И тут же напрягла свой маленький острый умишко, но ничего не вышло. Слезы подступили к глазам, и она вновь скривилась. Под ней на матрасе растеклось мокрое пятно.

– Ничего-ничего, – спокойно прошептал профессор. – Мы это помоем.

Он подхватил ее на руки, и девочка успокоилась. Как странно, что его руки всё еще помнили, как держать маленького ребенка. Перед глазами снова замелькали вспышки воспоминаний. Он так же подхватывал свою белокурую дочурку. Только почему-то моменты всплывали не те, о которых он мечтал. В этих воспоминаниях она была лысой, кожа да кости, желтые глаза. Она весила, наверное, еще меньше, чем этот ангел, хотя было ей двенадцать лет.

И все же чувствовать в своих руках такое теплое маленькое беззащитное тело было приятнее, чем пить чай зимним вечером в одиночестве. Профессор принес девочку в ванную и искупал. Она не сопротивлялась, не отталкивала его, скорее, даже наоборот. Смотрела на него удивленными, но заинтересованными глазами. В них не было ни страха, ни боли, ни отчаяния. Всё это присуще взрослым, живым мертвецам. А вот ребенок, только переживший аварию, тянется к свету и теплу, как неокрепшее растение. Ему бы только дать понять этому ангелу, что он не желает ей зла.

Она всё еще не проронила ни слова, значит, говорить должен был он.

– Ты кушать хочешь? Голодная?

Конечно же, он и сам знал ответ на этот вопрос. Девочка три дня ничего не ела. Она утвердительно покивала головой, не сводя с него преданных больших желто-зеленых глаз, точь-в-точь, как у кошки. Таких он никогда не видел в жизни.

Как он скучал по преданности! После смерти дочери он не мог и не хотел завести собаку или кошку. И пусть все вокруг советовали ему полюбить кого-то еще, что они могли знать о боли? Что они могли знать о чувстве, когда тебя предают, но обвинить в этом ты можешь только себя. И Бога. Бога, который не слышит, ветхозаветного, жестокого, с тысячью имен.

Как ты можешь знать, что такое отчаяние, когда самое большое, что ты терял в своей жизни, – это мобильный телефон? И все они сразу нашлись с советами: сходи к психологу, заведи собаку, высади огород… Последнее и вовсе уничтожило его веру в людей. Как будто потерять дочь – это всё равно что потерять урожай. И можно высадить еще один.

Нет, ему не нужны были кошки, собаки и люди. И еще он терпеть не мог эту чепуху насчет «не ошибается только тот, кто ничего не делает». Иногда ты делаешь так много, что, в конце концов, ошибки уничтожают тебя. В конечном счете ты приходишь к точке невозврата, где понимаешь, что ни одно действие в жизни не стоит всей этой боли, всех этих ошибок.

Что они могли знать?..

Профессор хотел было покормить девочку в кухне, но затем опомнился. Нельзя, чтобы она свободно находилась в доме. Поэтому после купания вернул ее в погреб, укутав одеялом.

Теперь он достал из холодильника четыре яйца, литр молока и приготовил омлет. Разделив его пополам, он отложил часть себе и аккуратно положил всё на тарелку девочке. Она была чистая и пахла свежестью. Хотя он и вымыл ее тем же мылом, что и мылся сам (конечно, ведь в его доме не было особенного мыла на случай, если у него в доме окажется чужой ребенок), девочка пахла по-другому. Запах ее маленького детского тела сочетался с ароматом миндального мыла как-то по-особенному, создавая магию.

Мужчина поставил перед ней тарелку и положил ложку. Прямо на пол. Она какое-то время смотрела на омлет, слегка придвинулась и понюхала, как будто кошка. Профессор взял ложку и спросил:

– Помочь тебе?

Он и правда хотел помочь и покормить ее с ложки. Но девочка решительно отрицательно покивала головой. Со знанием дела она схватилась за ложку и начала загребать омлет. С каждой порцией, казалось, ей нравилось всё больше.

Она хорошо помнила, как управляться со столовыми приборами. Но помнила ли она своё имя? Помнила ли она имена своих родителей?

Мужчина заварил ей зеленого чая с ароматом земляники. Хорошенько сдобрил его сахаром: дети любят сладкое. Девочка присосалась к кружке так, словно она была последней в ее жизни.

– Тише-тише, помедленнее!

Мужчина боялся, что она обожжется. И девочка, прислушавшись к нему, замерла и осторожно поднесла кружку к губам. Немного дула на чай, а затем отпивала. Он смотрел и не мог оторвать глаз. Это самое было самое красивое, что он видел в своей жизни. И он не позволит этой красоте исчезнуть.

Потом девочку вырвало. И это не на шутку испугало профессора. Если у девочки сотрясение мозга, ей нужна помощь. Но тут он был бессилен. Нельзя везти ее в клинику, нельзя сказать, что он просто нашел ее на дороге. К тому же она могла рассказать о погребе, о том, как он кормил ее здесь…

Девочка снова уснула. Но жара не было, не было лихорадки. Оставалось только ждать.

Глава 6.
Призрак

1.

Ему хотелось стукнуть этих двоих друг о друга, чтобы их головы, словно ореховая скорлупа, треснули и разлетелись в стороны.

– Как это оказалось в мусоре? – спросил Павел, сжав в кулаке улику.

Грязный пакет из серой бумаги, которую нашла уборщица. Перед ним стояли двое: участковый инспектор и патрульно-постовой. Последнему было лет двадцать пять, а на вид и того шестнадцать.

– Кто брал в руки пакет? – снова спросил майор.

Инспектор поднял глаза и всмотрелся в клочок бумаги. Кажется, он силился вспомнить что-то, но у него плохо выходило.

– Мне отдал его свидетель. Я не снимал пакет с ее головы!

– Почему в протоколе ничего не сказано, что у нее на голове был пакет? – процедил сквозь зубы покрасневший мужчина. Кулак его сжался так, что инспектор инстинктивно отстранился.

– Пакет бросили в машине, как ненужный мусор, а потом выгребли всё и бросили в корзину! Идиоты!

Он кричал еще минут десять, показавшихся ему ничуть не меньше вечности. Ещё чуть-чуть, и пакет безвозвратно отправился бы на свалку. И он, возможно, никогда не узнал бы правду об этом ребенке. Он позволил себе выругаться матом и отправил недоумков восвояси.

Затем походил кругами по кабинету для совещаний, швырнул несколько стульев, попросил принести кофе, поставил стулья на место. Они не могли знать, что это не рядовое хулиганство или розыгрыш. Такое происходит постоянно. А вот призраки без имени не каждый день появляются на дороге. Нужно было взять себя в руки и вернуться к ней. И еще дать распоряжение пробить в базе это имя.

Павел не хотел обнадеживать себя, но ему казалось, что где-то это имя он уже слышал. Может быть, это была всего лишь фантазия. Шутка, которую играет с ним воображение. Имя не такое уж и редкое. Ожидание было невыносимо.

Она сказала, что ее зовут Алиса.

Девочка сидела на том же месте и так же играла с медведем.

– Я в няньки не нанималась, – сказала инспектор, подперев руку в подбородок. Это она проверяла протокол и писала отчет вчера.

– Еще один такой косяк, и ты пойдешь работать в няньки, – сказал Павел задумчиво, глядя себе под ноги и отхлебывая кофе.

– Это не мой косяк, – сказала инспектор и медленно вышла из кабинета, громко хлопнув дверью.

Это был кабинет, где не было окон.

Мужчина развернулся и посмотрел на девочку. Она всё меньше походила на испуганного маленького зверька, который вчера со страхом в глазах прихлебывал здесь чай.

– Ты знаешь, кто такая Евгения Малько? – спросил он.

Девочка не сразу отреагировала. Она сонно подняла глаза и вопросительно посмотрела. Мгновение здесь стояла тишина, и можно было расслышать, как гудит лампа. Затем она пожала плечами, как будто звук его голоса донесся до ее ушей только сейчас.

Она не знала. И огонек надежды в его сердце затрепетал, чувствуя дыхание урагана. Это не зацепка. Это ничто. У него были другие дела, намного важнее. Несколько трупов…

Но то были мертвые люди, которых уже не вернуть. А она живая, настоящая, потерянная. И такая загадочная. Разве не ради загадки он пошел на эту работу? Мальчишечья мечта сделать мир живых лучше. И вот теперь он стоит здесь. Ему почти шестьдесят, а мир так и остался дерьмовым местом, где людей выбрасывают на обочину дороги.

И еще было это странное непреходящее ощущение, что из него делали дурака. Как будто кто-то просто издевался над ним, играл. А девочка – всего лишь приманка. Он силился отгонять эти мысли. Но это был вирус, размывающийся кровью по венам, паранойя, выработанная годами работы. Грязь, в которую ты наступил однажды и уже никогда не отмоешь.

В кабинет ворвались без стука. Но сегодня майор не возражал против этого. Сегодня это был хороший знак.

– Есть совпадение! Есть! – закричала Аня.

На какую-то долю секунды ему показалось, что пол под ним прогнулся, и сейчас они все вместе рухнут в преисподнюю. У него закружилась голова, и следователь поддержала мужчину. Она нравилась майору. Молодая, красивая, умная и безотказная. Она никогда ни в чем ему не отказывала. Ни в чем.

– Павел Спартакович… Осторожно.

Алиса наблюдала за всем, как будто это было кино. В этом кино не было ярких картинок и интересных персонажей, но всегда что-то происходило. Кто-то приходил и уходил, бегал, исчезал, говорил. Она ждала, когда откроется дверь, и в помещение войдет Он. Тот, кого она знала всю жизнь. Ее Бог.

– Двенадцать лет назад в деревне Валики пропала пятилетняя Женя Малько, – продолжала Аня, задыхаясь. Она хотела быть первой, кто скажет это майору.

– Что за деревня?

– Гомельская область.

– Что?

– Есть еще вероятность, что это какой-то розыгрыш?

– Вызывай психолога, Аня. Скорее всего, он понадобится.

Майор кивнул в сторону темноволосой девушки в углу. А ведь Аня ее сразу и не заметила. Такая маленькая скорченная фигурка в углу, словно призрак из фильма ужасов про проклятье или что-то похожее. Почему-то Ане было не по себе рядом с этой девчонкой. Наверное, потому, что та вела себя не как жертва, не как преступник. Она как будто просто наблюдала за всем со стороны. Просто смотрела на мир своими темными медными глазами. Было что-то мистическое, что-то необъяснимое в ней.

2.

– Не похожа, – вынес вердикт майор, дернувшись от собственного голоса. Он показался чужим и безжизненным. – Не она.

– Если и правда прошло двенадцать лет, то, конечно, она не похожа, – успокоила Аня.

С монитора на них смотрела пятилетняя малышка с пухлыми щечками, светлыми волосиками и розовыми ручками.

– Не знаю.

– Родных уже ищут, – Аня положила свою ладонь на его плечо. И хоть он был в форме, всё же почувствовал тепло ее руки. Или, может быть, так только показалось. Потому что тепло ее рук знали и другие места в его теле. От нее пахло духами. Он ненавидел посторонние запахи на работе. Но не этот. Этот сводил его с ума. Только за последние пару дней майор и без того был не в себе.

Алиса любила женщин. Но далеко не всех. И она точно убедилась в этом с тех самых пор, как начала жить во внешнем мире. Вчера, когда врач взяла ее за руку, девушка не сдержалась и укусила женщину. Потом, правда, успокоилась. Ведь папа предупреждал ее, просил быть хорошей.

И вот еще одна женщина. Но эта не берет за руку, не хватает, не смотрит строго. Она спрашивает Алису про игрушки, любимые цвета и занятия. Ее не сажают на твердые деревянные стулья за твердые деревянные столы. Женщина села рядом с ней на пол, как будто и в ее жизни это была самая обычная вещь!

– А знаешь, кого еще звали Алисой? – спросила женщина.

– Знаю. Алису в стране чудес.

– О! Я очень люблю…

– И еще примерно десять тысяч женщин на Земле.

Женщина открыла рот, чтобы закончить предложение, но так и не смогла. Слова, как испуганные тараканы, разбежались по темным углам, оставив после себя хаос и пустоту. Она не знала статистику имени «Алиса» так же, как и не знала ничего о своем.

– А какие еще имена ты знаешь?

Алиса пристально посмотрела прямо в глаза собеседнице. На ее лице заиграла улыбка. Психолог увидела маленькие белые ровные зубы. Верхняя алая губа слегка вздернулась, обнажив два резца, как у маленького кролика.

– Я знаю много имен.

– Откуда?

– Из книг и фильмов.

Ее голос больше не был похож на голос маленькой девочки. В душной комнате он прозвучал, как голос древнего палача, согнувшегося над своей жертвой. Психологу приходилось работать только с детьми. И теперь она испытывала злость на то, что ее сюда позвали.

– А из жизни?

Лицо девочки снова стало серьезным. Зубки спрятались за гримасой грусти. Она оставила медведя в покое и теперь рассматривала свои белые ноги, никогда не знавшие агрессивного действия солнца. Ее лицо было таким гладким и кремовым, как сметана, кожа никогда не знала загара. Ни одного прыщика не горело на впалых щеках. Она была худой. Очень худой. Но пальцы были изящными, как у пианиста.

– Зачем мне знать имена? Разве по имени можно что-то сказать? «Что в имени тебе моем?..»

Она мечтательно закатила глаза, и психолог почувствовала, что пол стал для нее твердым и холодным, словно каменная мостовая в дождливый день. Захотелось тут же встать и ощутить

себя нормальным человеком, а не кошкой, подкрадывающейся к ловушке. Это была ее работа: двигаться медленно и неслышно, как змея, чтобы забраться в самую душу. Но сейчас змеей была не она.

– Ты читала «Ромео и Джульетту»?

– Много раз, – она снова улыбнулась. Ей нравилось говорить о книгах и фильмах. Значит, они были всей ее жизнью.

Она не ходила в школу, не встречалась с друзьями, не гуляла на улице.

– А что еще ты читала? Там, где ты жила, было много книг?

Нет-нет! Ты допускаешь ошибку, задавая сразу несколько вопросов…

Лицо девочки снова помрачнело. Упоминание о месте, где она жила, снова заставило ее грустить. Психолог подбирала нужные слова и вопросы, уловки для отвлечения внимания. Но не могла предугадать мысли девочки.

– Сколько вам было лет, когда вы ушли из дома? – спросила Алиса.

Она не должна отвечать на вопросы пациентов. По крайней мере, таких пациентов.

– Я была уже очень большая.

– А ключ всё еще под камнем?

– Какой ключ?

– Тот, которым вы можете открыть дом.

– Ключ от твоего дома лежит под камнем?

– Да. Только я должна найти камень. А вы?

3.

Сентябрьский вечер розовел на горизонте, обнажая тонкий изгиб растущего месяца. Откуда-то в открытые окна повеяло приблизившимся октябрем с его кострами и вспаханной землей. Детские крики затихли, звуки мотоциклетных моторов стали ровнее.

Стон щемящей тоски врывался в сердце. Родителей девочки нашли. Или людей, опустошенных утратой, которую им никогда не восполнить. Быть может, это всего лишь еще один острый скальпель, который врежется в их рану, чтобы снова пустить из нее гной. Он видел такое несколько раз и раньше. Люди пропадали без вести, не оставляя после себя ни слова, ни вздоха. И тогда малейшая надежда превращалась для родных в пытку.

Павел бросил курить двадцать лет назад, но сейчас так хотелось нарушить это терпение. Разрушить напряжение запахом дыма. В последних лучах заката Минск казался унылым гнездом отчаяния.

Та девочка пропала на другом конце страны. А нашлась здесь. Но если это не она, так не хотелось быть причиной чьей-то боли. Ведь мужчина неистово верил, что он хороший человек. Хорошие люди иногда изменяют женам, курят и пьют, ругаются матом. Пусть в морали копаются философы.

Психолог вышла из кабинета, чувствуя себя выжатой, как лимон.

– Не думаю, что она та самая девочка, – вынесла вердикт женщина.

– Не думаешь или не веришь?

– Она не пленница. Даже если ей семнадцать лет, она слишком развита для пленницы.

Павел уставился на женщину.

– Вы много раз общались с пленницами? Все они были недоразвитыми?

Она не нашлась, что ответить на это. Только ее раздражало, что кто-то мог усомниться в компетентности ее знаний.

– Давайте-ка я вам кое-что объясню, – начала она. – Людей не держат просто так взаперти. Если это происходит, значит, у кого-то проблемы с рассудком. А тот, у кого проблемы с рассудком, не может сделать из пленника полноценную личность.

– Значит, тот человек, который выбросил ее на обочину, и правда ее отец? И значит, он здоров?

Психолог пожала плечами. Ей не нравился тон разговора. Идиоты совершают ошибки. Профессионалы – никогда.

– Мы не знаем, выбросил ли ее кто-то. Это могут быть фантазии обозленного подростка.

Осенние вечера слишком быстро заканчиваются. Невыносимая легкость прохожих, которые ни о чем не подозревают. И он все эти годы жил, не зная, что кто-то может мучиться и ждать своего пятилетнего ребенка. Она это или нет… Может, лучше поверить в то, что она потерянная и найденная девочка. Даже самый пластичный разум будет отвергать такую возможность. Потому что, признай он возможность такого исхода, он вынужден признать, что ничего не может контролировать в этом странном мире. А его разум давно не был пластичным. Он не мог выдавить из себя: «В жизни всякое случается». Потому что сам не верил. Не может случится всякое. Ведь всё под контролем. Дети не исчезают бесследно. А родители не живут в аду. И нет преступников, которых можно было бы понять. В это он верил стойко. До вчерашнего дня.

Он верил в точность протокола, пока кто-то не забывал улики в мусоре.

Верил в чистоту любви, пока сам не перестал любить.

И теперь он вынужден поверить во что-то другое. Во что-то, что невозможно контролировать.

Глава 7.
Тыквенные семечки

1.

Она проспала еще целые сутки, а потом пошла на поправку. Хозяин дома вымыл погреб и стал обдумывать, как бы его утеплить. Он убрал все банки и закатки, выбросил овощи и фрукты. Всё, что мог, уместил в холодильник.

Несколько дней подряд его не покидало ощущение, что жизнь, наконец, наступила. Это была долгая полярная ночь, и Земля никак не хотела вращаться вокруг своей оси. И теперь он увидел первые лучи рассвета. Сессия почти заканчивалась, и теперь можно было вздохнуть спокойно. Больше свободных дней, больше дней, проведенных с ней.

Она не проявляла никакого беспокойства, хорошо ела, спала, голова под повязкой заживала. Профессор всё реже и реже просыпался по ночам, мучаясь от мыслей, что где-то кто-то ждет ребенка домой. Ее никто не ждал, и хватит лгать самому себе. Она была одна на той дороге. Она ничего не помнит ни про велосипед, ни про столкновение, ни про людей, которые были ее родителями. Теперь он станет для нее целым миром.

Теперь он лучше спал по ночам. Сперва он хотел спать с нею в погребе, но потом подумал, что не стоит приучать ее к этому. Она должна привыкнуть к одиночеству. Так будет меньше проблем.

Уезжая в университет, профессор закрывал погреб на тяжелый подвесной замок. Такой нельзя взломать ни одними кусачками. Проще выломать саму крышку. Об этом он тоже задумался. Необходимо поставить тяжелую металлическую крышку, которую невозможно будет сорвать с петель.

Каждый день у него появлялись новые цели, и это придавало его жизни смысл. Мужчина впервые почувствовал себя настоящим, из плоти и крови. Он вернул свое сердце обратно туда, откуда оно насильно было вырвано.

Каждый день он задавал малышке наводящие вопросы, чтобы проверить, помнит ли она что-то. Она ничего не помнила, как будто и не было никакой жизни до того самого утра. Скорее всего, удар как-то повлиял на ее память. Но нельзя было думать, что это продлится вечно. Он должен оставаться начеку.

Для девочки он принес биотуалет, купил несколько игрушек, но еще нужно было заполнить пустые стены. Погреб не был похож на детскую комнату, и это его удручало. Тогда он принес книги. Весь его маленький дом, который так презирала бывшая жена, был заполнен книгами. Их она тоже презирала. Больше всего ее раздражал запах книжной пыли. Он же упивался им, запахом, и старался приучить к этому их дочь. Но, в конце концов, это вылезло ему боком.

– Это что? – спросила девочка, когда он принес стопку книг. Она тут же подошла и с интересом начала разглядывать их.

Никто из студентов так книгами не интересовался, как она.

– Книги для тебя, дочка.

Она засунула палец в рот. Она всегда так делала, когда задумывалась о чем-то, словно маленький мыслитель. Тогда он смеялся над ней, гладил по нечесаной голове. С волосами лучше, конечно, управилась бы женщина. Но он научится всему сам.

– Вот, смотри. Тут сказки с картинками. А вот эта была моей любимой в детстве, видишь?

Она присела рядом с ним, подогнув маленькие пухлые коленки. С обложки на нее смотрела удивленная светловолосая девочка с голубой ленточкой на голове. Девчушка указала мокрым пальцем на буквы:

– Это про что?

– «Алиса в стране чудес». Вот, смотри. «А»…

– Читай, – с нетерпением приказала она.

Он не был готов к такому напору, но не мог отказать ей. Присев на край матраса, он усадил ее рядом и открыл книгу. И погреб наполнился звуком его голоса, который он давно позабыл. Это был голос сказочника, рисовавшего словами историю. Алиса сидела возле сестры. А потом она увидела белого кролика и помчалась за ним в большую широкую нору…

И всё это было здесь, в полумраке под землей. Внимание девочки ни на секунду не ускользало. Время от времени он следил за ней: не задремала ли она? Не устала? Но она вся была внимание.

Профессор, конечно, не надеялся прочитать сегодня всю книгу. Это заняло бы часов семь, а то и больше, если учесть перерывы на еду и туалет. Поэтому, когда девочка начала тереть глаза, он отложил книгу и предложил ей отдохнуть.

– Мы тоже живем в норе, да? – спросила она, надув щеки.

Сперва он едва изумленно не сказал «нет», но быстро опомнился. Ведь она не знает, как выглядит его дом. Она не помнит, как выглядел ее дом.

– Да. Ты в одной норе, а я в другой.

– А меня тоже зовут Алиса?

Нет-нет! У тебя другое имя. Твое имя, которое дали тебе, когда ты родилась. Не здесь. Не в кроличьей норе.

– Да. Красивое имя, правда?

Девочка широко заулыбалась и закивала головой. Затем ее маленькие ножки застучали по полу, как будто она танцевала на месте.

– И у меня есть кролики, – уверенно сказала Алиса.

– Нет, – захохотал он.

– Есть. Я помню. Есть кролики.

Мужчина почувствовал, как что-то закололо у него в районе груди. Каких кроликов она помнит? В памяти, как в компьютере, начали всплывать картинки прошедших недель. Он не мог знать, были ли у нее кролики.

– Какие? – спросил он, ощущая, какими влажными стали ладони.

– Ну, такие они… Красивые… Светятся…

Скорее всего, она вспомнила какой-то мультик или, может быть, ночник. Он должен купить ей ночник в виде кролика, чтобы навсегда вытеснить эти воспоминания. И тут же запротестовал. Нет. Так он может только спровоцировать их. Как прустовское печенье заставило героя вспомнить о прошлом.

– Сходи в туалет и ложись спать.

– А потом ты опять почитаешь?

– Да.

– А ты Шляпник?

Еще один вопрос. Но на этот раз он не смеялся.

– Нет, я…

– А кто?

Он в нерешительности помассировал лоб, пока она сидела на горшке.

– Папа.

Она немного нахмурилась. Снова что-то обдумывала или вспоминала. Потом ее бесцветные брови стали совсем гладкими, и Алиса заулыбалась.

– Потом придешь читать, папа?

Мужчина едва держался на ногах. Стены в погребе вроде бы стали сжиматься, его тело точно лишилось костей. Он не был готов к этому. Он не был готов к тому, чтобы услышать это слово.

– Да, Алиса.

Папа уложил ее спать, накрыл одеялом и поцеловал в лоб. Затем поднялся по лестнице и закрыл замок на ключ. Рухнул на колени и разрыдался. Он не плакал, когда хоронил дочку. Не знал, почему. Все вокруг падали от бессилия. Но не он. В тот момент ему казалось, что если он поддастся эмоциям, то мир рухнет, перестанет существовать. Он был осью, которую невозможно было согнуть. И тогда она, его жена, сказала, что в тот момент окончательно его возненавидела. И теперь у нее другая жизнь. С чужими детьми. Интересно, называют ли они ее «мамой». Нет, вряд ли. Они слишком взрослые.

А вот он стал отцом во второй раз. Только невозможность прокричать об этом во всю глотку не давала ему покоя. Но он плакал. Слезы извергались из него, как огромная бетонная плита придавила и теперь выжимала все соки. Он плакал от счастья.

2.

В тот день, когда он заметил длинные тени у калитки своих соседей, было очень жарко. Наверное, это был самый жаркий день за всё лето. Июль наступил, а девочку из соседней деревни так и не нашли.

Профессор поливал редкие кривые грядки с зеленью и еще немного виноград, когда соседка, разговаривая с мужчиной в форме, пальцем указывала куда-то в его сторону. Неужели эта проклятая стерва что-то знает? Что она может знать, если они обходят друг друга стороной за километры?

Он отгородился от всего мира, чтобы его не трогали, не лезли к нему в душу, не спрашивали, как дела. Это был самый бессмысленный и болезненный вопрос из всех, что могло придумать человечество. Вопрос, вынуждающий лгать, лицемерить. И теперь она указывала пальцем в его сторону.

Мужчина в форме попрощался, и соседка быстро закрыла калитку, как будто это у нее в подвале сидел ребенок. Профессор продолжал поливать грядки из шланга, когда у забора появились «погоны».

– Доброе утро!

Басовитый бодрый мужской голос. Профессор нажал на рычаг, чтобы отключить струю, бросил шланг и вытер руки о рабочие шорты. Сейчас было слишком жарко для того, чтобы строить из себя преподавателя. Белая майка со следами земли взмокла от пота. Дряблые руки и небольшой нависший живот не могли скрыть возраст доцента кафедры философии.

Хозяин открыл массивную калитку из цельного резного дерева и протянул руку то ли лейтенанту, то ли сержанту. Он не разбирался в милицейских званиях, так что для него он был просто следователем.

Следователь помедлил, прежде чем протянуть руку мужчине, работавшему в саду. Он и не обязан был это делать. Ему нужно было всего лишь отдать честь. Но это только формальность. На деле же перед ним стоял преподаватель, так что нет ничего страшного в том, чтобы пожать ему руку.

– Что-то случилось? – спросил профессор, веря всем сердцем в то, что он ничего не понимает.

– Вы, наверное, слышали, что двадцать дней назад в соседней деревне пропала маленькая девочка.

Сделай вид, что удивлен…

Сделай вид, что знаешь…

Сделай вид, что знаешь больше…

– Да, читал в интернете. Ужасно…

Следователь одобрительно кивнул, как будто это был экзамен на сочувственность.

– Сейчас ведутся обширные поиски в близлежащих районах. Не замечали ничего подозрительного? Может, видели девочку?

Вопросы по протоколу. Будто зазубренная таблица умножения. Да, видел. Да, знаю.

– Нет, – профессор задумчиво пожал плечами. – Я чаще пропадаю в университете в Гомеле, так что… Ничего такого вспомнить не могу.

Следователь черкнул что-то в бумажке. А потом бросил стандартное:

– Вспомните что-то – звоните.

Непременно.

Он помнил многое, что мог бы рассказать. Но так никогда и не позвонил. Ему попросту некогда было терять время на рассуждения о морали и о том, правильно ли он поступает. Ему

приходилось покупать детскую одежду подальше от города, в разных местах. Чтобы его не могли запомнить. Он покупал одежду на вырост, чтобы она дольше прослужила.

Так что свитера, кофты и футболки на девочке порой сидели так, словно она была Алисой, съевшей пирожок для уменьшения. Сама уменьшилась, а одежда осталась той же. Но девочке, казалось, до этого не было никакого дела.

После «Алисы в стране чудес» он читал ей книги про кролика Питера, мышонка Пика и Винни-Пуха, но ничто не могло вернуть ей первые ощущения от «Алисы». Она снова и снова просила папу почитать ей эту книгу, пока, в конце концов, он едва не возненавидел эту историю.

Каждый раз он порывался «потерять» книгу, разорвать ее на клочки, сжечь или просто выбросить. Но ее взгляд останавливал. Взгляд больших желто-зеленых глаз.

Прошу тебя… Прошу… Папа.

И он не мог отказать. Никогда не простил бы ее за это. Алиса ловила каждое его слово, каждую интонацию. И в один прекрасный день начала просто повторять все слова. Она выучила книгу наизусть. И теперь она мог бы показать, как выглядят слова, которые она произносит.

3.

МЧС продолжает поиски пропавшей без вести девочки. Сотни волонтеров прочесывают леса вокруг деревень Валики, Зеленое и Заречье…

Рана на голове хорошо затянулась. Он всегда знал, что детские травмы быстро заживают. И остатки памяти быстро стираются. Она больше не упоминала кроликов, но время от времени ему казалось, что девочка водит его за нос. Она знала и помнила намного больше. Но затем он одергивал себя, убеждая: пятилетний ребенок не в состоянии манипулировать так.

Он принес ей тыквенных семечек, чтобы научить девочку очищать скорлупу. Но не успел профессор дать мастер-класс, как Алиса показала, что уже давно умеет делать это.

– Вот так, – улыбнувшись, показала она и отправила семечку в рот.

Затем взяла еще одну, и еще и еще…

Потом ее движения замедлились, она прикрыла глаза и как будто углубилась в свои приятные ощущения. То ли что-то вспоминала, то ли фантазировала.

Профессор не на шутку испугался. Может быть, в этом нет ничего страшного. Может быть, ей просто нравится вкус семечек. А знает она, как их очищать, просто потому, что это моторная память. В конце концов, она ведь не забыла, как ходить и говорить.

Алиса снова и снова очищала семечки и отправляла их в рот, не проронив ни слова. Он поднял руку и со всей силы опрокинул миску с семечками так, что та разлетелась на керамические осколки.

– Хватит! – закричал он.

Девочка в ужасе посмотрела на красное лицо папы. Такого она еще не видела. Это было самое страшное, что только могло с ней произойти. И она не смогла сдержать слез. Зарыдала, завыла, как сирена. А он просто стоял не в силах шелохнуться. Затем он резко схватил ее за маленькие плечи и встряхнул. От страха она замолчала.

– Ты не любишь семечки, поняла? Никогда не будешь их любить!

Из его рта вырывалось горячее дыхание. Несколько капель слюны брызнули прямо ей в глаза.

– Я люблю семечки! Люблю! – прокричала Алиса. И она точно знала, что это правда. Ей действительно нравились семечки. Их вкус напоминал ей о солнце, которое так часто упоминалось в сказках. И еще почему-то она помнила о желудях. Маленьких таких твердых орешках, падавших с деревьев. Не могла понять, почему.

Папа хотел было замахнуться, но быстро опомнился.

И тут же в голове снова замелькали страшные картинки. Когда мать его девочки, прошлой девочки, кричала на него, обвиняла в равнодушии, он заехал ей по физиономии так, что женщина отлетела в стену. Это было на кухне. Или в гостиной? Он уже не мог вспомнить. Но только это поставило точку, окатило ледяной лавиной ад, в котором они жили.

Нельзя допустить такое. Но профессор слишком любил эту маленькую девочку. Так сильно, что хотел обладать ее волей, ее желаниями, ее воспоминаниями.

Она не должна любить семечки. Она не должна любить кроликов. Она должна забыть все сказки, где были кролики.

Мужчина резко развернулся и направился к лестнице, борясь с подступившими слезами. И только тут он почувствовал, как кто-то схватил его за ноги, сжал с такой силой, как будто капкан.

– Не уходи! Пожалуйста, не уходи!

Девочка с трудом выговаривала это слово: «пожалуйста». Выходило у нее что-то вроде «пожаста». И это так сильно нравилось ему. Маленький теплый комочек нежности. Мужчина обернулся и погладил ее по лохматой голове. Затем присел на корточки.

– Надо быть послушной и хорошей девочкой, да? – он сказал эту фразу так, будто пробовал ее на вкус.

Девочка закивала головой, сунув палец в рот. Он обнял ее крепко и сказал, что очень любит. А теперь ей пора ложиться спать. И спать она будет до тех, пока он не позволит ей обратного.

И Алиса спала в своей кроличьей норе. Очень часто, правда, сон прерывался, и тогда она лежала в темном погребе, просто уставившись в пустоту. Ей не было страшно в темноте, потому что темнота – это первое, что она видела в жизни. Первое, что она помнила. Она знала, как выглядит свет от лампы. Но папа сам решал, когда наступает утро. Папа сам решал, когда она должна утолить голод. Папа был ее солнцем, возвещавшим о начале нового дня.

Лежа в темноте, она повторяла слова, фразы и целые предложения, которые слышала в книгах. Теперь она и сама могла читать отдельные слова. Девочка снова и снова шептала, слыша свой голос в темноте. Моменты, когда папа приходил к ней в нору, были моментами истинного счастья. В такие минуты она, словно лампочка, зажигалась изнутри, светилась. А потом, когда он уходил, свет тоже уходил вслед за ним.

А тыквенные семечки…

Алиса не знала, как это. Но их вкус тоже зажег внутри нее свет. Их вкус был подобен сладкому сну, которые она видела почти каждый раз, как закрывала глаза. В снах она видела странные картины, которых не было в жизни. Может быть, во всем виноваты эти истории в твердых обложках. Эти истории пахли весной. Но ведь она не могла знать запаха весны. Эти истории наполнялись множеством голосов. Но ведь она слышала только два голоса: свой и папин.

Теперь она знала еще, что должна быть хорошей девочкой.

Чтобы осознать любовь, не нужно слышать это слово. Прежде, чем ребенок научится говорить, он уже знает, что такое любовь. И ему не нужно облачать это в слова. Тогда и она, Алиса, тоже будет молчать. Лучше показать, чем говорить. Что-то было в тот день в ее словах такое, что испугало и разозлило папу. И впредь такого не будет.

Глава 8.
Звезды не светят в пасмурную ночь

1.

У женщины волосы были цвета спелой сливы. Практически черные, но, когда на них падал свет, в рефлексах отчетливо была видна синева. И всё же, конечно, они были крашенными. Алиса знала, что таких волос в природе не бывает. И ко всему прочему она смогла усмотреть несколько седых волосков. И седую прядь у виска.

Было сложно определить возраст. Все люди ей представлялись двух возрастов: маленькие и большие. И это была одна из многих вещей, которые ей было сложно понять.

На первый взгляд могло показаться, что глаза у женщины были карими. Но нет. Они были серо-зелеными, с нависшим верхним веком и припухлостями под нижними веками. Маленький аккуратный нос и гладкий лоб показались Алисе самыми привлекательными чертами в этом лице. Но не поджатые губы. Девушка всматривалась в лица окружающих так же, как и собака, пробующая настроение на запах. Алисе не нравились эти поджатые губы, этот бугристый подбородок, словно женщина собиралась расплакаться. И напряженная шея.

– Это не она, – произнесла женщина на выдохе уставшим голосом. И если бы голос обладал цветом, то этот цвет определенно был бы серым.

Алиса сидела на неудобном стуле, прихватив пальцами край рукава пиджака Павла. Так ей было спокойнее.

– Прошло очень много времени, – попытался убедить женщину Павел, хотя и сам верил в сказанное ею. Неужели мать может ошибаться?

– Знаете… – еще один глубокий уставший выдох, – сколько таких девочек я видела в своей жизни?.. Сотню, наверное. Говорю вам, это не она.

– Сделаем тест – и станет понятно.

– Ничего не станет…

Павел посмотрел на лицо этой уставшей, изможденной женщины. Скорее всего, она не спала с тех пор, как ей позвонили и сообщили о находке. Почему-то ему, майору, было стыдно смотреть ей в глаза. По какой-то причине он ощущал себя виноватым за всё, что произошло в жизни этой женщины. Не имеет значения, ее это дочь или нет. Случившееся никак уже не изменишь.

– Нужно надеяться…

– Да? – женщина прищурилась. – Я надеялась тогда. С самой первой минуты. Когда позвала своего ребенка. Прошла минута, две, десять, час. Потом часы растянулись в дни, а дни в месяцы. А месяцы в долгие годы. И все те годы я звала ее, кричала. Даже когда мой рот был закрыт. А где были вы, а? И теперь вы мне говорите, что надо надеяться.

Она вцепилась в черную лакированную сумку у себя на коленях и встала.

– Говорю вам, не она это. Нисколько не похожа.

– Мы сделаем анализ как можно скорее…

– Неужели научились-таки делать быстро?

– Семь, максимум десять дней.

– А раньше я ждала месяцами.

– Анализ на материнство сложнее.

– Я уезжаю домой. Позвоните, если что.

Напоследок женщина снова смерила взглядом девушку, худую, с огромными глазами. Сейчас ее дочке было бы семнадцать. Неужели этой тоже семнадцать? Женщина почувствовала странный, необъяснимый приступ жалости к этому ребенку. Она же говорит, что у нее есть отец, которого она любит. Но девочку никто не слышит. Вот так же никто не слышал и ее саму все эти годы.

Они говорили: «потерпи, боль пройдет».

Родишь еще…

Нужно верить и надеяться…

Заведи собаку…

Разбей грядки…

Заведи корову, хозяйство…

Она потеряла веру в способность людей мыслить здраво. И чтобы не сойти с ума, она приняла правила игры этого больного мира. Чтобы не слышать глупых советов, она начала улыбаться. Чтобы не видеть сочувственных взглядов, она говорила только о хорошем. А если хорошего не было, то его всегда можно было придумать. Фантазия стала для нее лучшим спутником в жизни.

Но она помнила лицо своей дочери в мельчайших подробностях. Хотя и пыталась забыть. И помнила она все те черты, которые видела в последний раз. И помнила место, где видела в последний раз. И так часто порывалась бросить всё и переехать. Но одна лишь эта мысль казалась предательством. Где-то на самой глубине души всегда брезжил огонек глупой неуемной мысли: а вдруг вернется? Такая же, как была в тот день. В желтом сарафане. И день будет таким же, солнечным.

Дней похожих, конечно, в жизни было много. Но ни один не такой же. Ни один.

2.

Еще целых десять мучительных дней.

Павел снова забрал девушку к себе, пока не решил, куда ее определить. Ситуация была запутанная, выходящая из разряда тех дел, где можно просто следовать протоколу. Они даже не могли точно сказать, сколько было девочке лет, так что не знали, отправлять ли ее в приют или интернат. К тому же, она не обычный ребенок.

И даже если она действительно окажется той самой Женечкой, дело на этом не закрыто. Значит, девочку похитили, держали взаперти. А значит, нужно найти того урода, который сделал это. И неизвестно, сколько всего он еще делал.

Экспертиза со шнурка показала наличие посторонней ДНК. И если это *его* ДНК, значит, никакой *он* не отец.

Как только Павел начинал складывать в уме эту мозаику, тут же находились лишние элементы. Или, наоборот, недостающие. Приходилось рушить всю картину, чтобы выстраивать ее заново.

Девочка сидела в комнате его сына. Очень часто он, майор, находил Алису под кроватью. Ей там было удобнее. Она всё еще боялась дневного света и улицы. И окна внушали ей страх. Мужчина полагал, что это какой-то вид агорафобии, и это вводило его в уныние. Никто не станет лечить этот страх. Девочка, в конце концов, останется на попечении государства, как ненужный груз. Ей сделают новые документы. Фамилии своей она не знает, так что ей придумают новую. Дадут ей дату рождения. Заклеймят идентификационным номером. И она начнет новую жизнь, к которой совсем не готова.

Ее умственные способности он оценивал на уровне шестилетнего ребенка. Хотя иногда… Его посещало то странное чувство, когда он будто бы попадает в ловушку ловкой манипуляции.

Алиса ничего не хотела. Она всегда твердила только, как сильно хочет домой. Но сегодня произошла странная вещь. Девочка читала, сидя на полу, съежившись, как кошка. Он подошел к ней, чтобы вырвать книгу из ее рук. Все эти книги, вещи, кубки, дипломы принадлежали его сыну. И он, как верный пес, всё еще ждал возвращения своего ребенка домой.

Сын был уже взрослым и сам решил свою судьбу. Он женился на мусульманке с двумя детьми и уехал в Турцию. Мечта сделать из него такого же майора растаяла, как снег под лучами первого весеннего солнца. Он был прилежным мальчиком, умным. Но что-то пошло не так…

И когда хотя бы одна вещь оказывалась не на своем месте, это вновь было похоже на разрушенные мечты. Здесь, в этом месте, жил его «идеальный» сын. Его маленькая копия. Верить в идеального сына, значит, верить в идеального себя.

Она взяла книгу. И не просто книгу. Она выбрала именно ту, которую больше всего любил сын. «Три товарища». Глупая история, наполненная глупым романтизмом. А ведь Павел никогда не осознавал этого. Когда приносил и дарил сыну такие книги, он всегда думал о чести и доблести. Но не о романтизме.

Майор сделал первый шаг, но тут же застыл. Она не просто держала книгу. Она читала. И, кажется, даже не услышала, как он вошел.

– Что… ты…

Девочка устало подняла глаза, подобно человеку, который утомился после рабочего дня.

– Читаешь? – мужчина вновь собрался.

– Я уже читала ее, – сказала девочка и снова уставилась в пожелтевшие страницы. Это было старое издание. То самое, которое пахнет пылью и сыростью, но такое дорогое для души.

– Читала?.. – он снова задумался. – Что еще ты читала?

Майор подобрал штанины, чтобы можно было удобнее сесть на пол рядом с Алисой. Когда он делал это, что-то предательски хрустнуло в правой коленной чашечке, спина заныла. Он был слишком стар для таких развлечений.

– Много чего.

– А здесь есть еще то, что ты читала?

Девочка снова задумчиво посмотрела на него, затем медленно отложила книгу и одним быстрым движением встала на ноги. Мужчина даже не понял, как ловко у нее это вышло. Очевидно, она делала не единожды так в своей жизни. Алиса подошла к книжным полкам – размер их был велик, от пола до потолка длиною в два метра – и, рассматривая корешки, указывала пальцем:

– Эту… эту… эту…

Так она указала почти на каждую книгу. Здесь было много художественной литературы. Он знал, как это важно для развития личности, вот только сын…

– И все эти книги были у тебя дома?

Павел почти физически ощутил боль на языке, когда произнес это слово. Дом.

– Да.

– Это же целая библиотека!

Нужно записать это. Записать. Только бы не забыть…

Глаза девочки вдруг загорелись.

– Я никогда не была в библиотеке.

Даже восклицания выходили у нее тускло, без надрыва, как будто говорила она в яму, где не отражалось эхо.

– Сходить в библиотеку будет сложно, туда записаться нужно. А вот в книжный магазин – самое оно!

Алиса опустила взгляд медно-коричневых глаз. Теперь они показались и вовсе черными.

– Мне нельзя.

Как он мог убедить ее, что она ничем не больна? Да это и не его забота.

– Как знаешь, – майор пожал плечами и сделал вид, что ему безразлично. И тут же краем глаза поймал ее живой хитрый взгляд.

Сейчас она казалась инопланетной: тонкая, с длинной шеей и длинными ногами. Он замер, не зная, что еще сказать. Слишком много событий, слишком много мыслей. Ему не хватало Ани.

– Вы тоскуете по нему?

Ее голос вывел Павла из размышлений. Он попытался взбодрить свой рассудок, чтобы вспомнить, о чем она спросила.

– Ты про кого?

– Про вашего сына. Вы тоже отправили… Его… Куда…

То она строила целые предложения, то вдруг начинала запинаться, подобно маленькому ребенку.

– Он вырос и сам ушел, Алиса. Так и происходит у людей. Не так, как…

Майор не знал, как нужно сейчас вести себя, что говорить. Любое слово могло разрушить хрупкий мир такого слабого доверия. Для него она была ребенком-маугли. Маугли, умеющим, однако, читать. Девочка смотрела прямо ему в глаза, пытаясь прочитать там ложь.

– Это неправда… – прошептала она.

– Тот человек, которого ты называешь «папой», – плохой человек. Он забрал тебя у настоящих родителей. Забрал у тебя детство.

Алиса вдруг резко накрыла уши руками и зажмурилась. Сейчас она выглядела, как обычный обиженный ребенок. На запястьях всё еще краснели полосы. Что-то подсказывало Павлу, что ему стоит сидеть там, где он сидит, и не вставать с места.

– Нет! Это вы все плохие! Вы!

– Открой глазки, Алиса, – он говорил спокойным голосом вожака, начальника. – Открой.

И она открыла. Ее руки опустились, словно она была коброй, загипнотизированной дудочкой. На глазах проступили слезы. Впервые за всё время он увидел ее слезы.

– Посмотри на свои руки. Да-да, посмотри.

Она покорно посмотрела на ладони, затем перевернула их тыльной стороной, затем снова повернула.

– На запястья смотри.

Она посмотрела. Увидев кровоподтеки, она словно испытала стыд, бледные щеки зарделись, осанка съежилась. Это хорошо, значит, она понимала, что так не должно быть.

– Хорошие люди так не делают. Хорошие родители не связывают своих детей шнурками. Я никогда не делал больно своему сыну…

Он лгал. Но он умел лгать, не моргая. Это была основа его работы. Конечно, он делал больно своему сыну. Но всегда считал, что это всего лишь ответ на боль, которую тот причинял отцу.

– И уж тем более, не надевают пакет на голову. Не раздевают догола и не выбрасывают, Алиса.

При звуке своего имени девочка как будто успокаивалась. Оно звучало, как мантра. Весь смысл, который Павел только что облек в слова, не имел никакого значения. Рассуждать, что такое «плохо» и «хорошо», перед человеком, который большую часть жизни провел в заточении (где-то на чердаке или в подвале?), – пустая трата времени. Разве зверь, родившийся в зоопарке, может радоваться свободе? Или свобода у него в крови?

– Почему? – спросила она.

Снова этот странный вопрос. Как он мог объяснить, почему?

– Потому что нельзя делать людям больно, – на первое время ей хватит этой лжи. – Нельзя их лишать свободы.

А если человек счастлив без свободы?

Павлу хотелось бы проникнуть в ее голову, залезть туда, под череп, увидеть, понимает ли Алиса то, что он ей говорит? Или ее сознание – это королевство кривых зеркал.

– Ты понимаешь, что такое свобода, Алиса?

Павел взял «Три товарища» и протянул ей.

– Вот тут люди ходят по улицам, разговаривают, с кем хотят. Живут в больших домах, работают.

– Они убивают друг друга, бьют и насилуют.

Павел удивленно посмотрел на книгу. Неужели там такое было?

– Это плохие люди убивают и насилуют. И похищают. Хорошие люди так не делают.

Она снова зажмурилась и закрыла руками уши. Затем громко затопала ногами и спустя мгновение оказалась под кроватью, где тихо всхлипывала.

Нельзя делать больно людям…

Алиса больше не отвечала ему, сколько бы он не пытался ее разговорить. Теперь она останется под кроватью до самого утра. Он волновался, что она может простудиться, но заставить ее вылезти мужчина не мог. Майор поставил книгу на место, выключил свет и вышел из комнаты. Окно они завесили плотными шторами бордового цвета, так что утро не наступало до тех пор, пока Павел не входил в комнату и не включал свет.

3.

Алиса не приступала к еде, пока Павел не говорил ей: «Ешь». То есть никогда не хотел говорить этого, но знал, что так устроен ее мир. И понемногу он сам начал привыкать к этому, пока жена не упрекнула его. Это она должна учиться жить по-другому, а не Павел. Это девочка должна жить в нормальном мире, а не они в мире психа, похищающего чужих детей.

Майор объяснял Алисе, что та может есть, когда захочет, а не тогда, когда ей позволят. Она не должна сидеть на полу, есть нужно за столом. Но при всех своих странностях девочка хорошо обращалась со столовыми приборами. Уверенно держала в руках вилку и нож, умела есть тихо, не прихлебывала громко чай.

Это определенно нарушало криминальную картину, которую майор каждый день пытался выстроить у себя в голове.

Алиса не хотела признаваться, но еда в доме этого мужчины была очень вкусной. Такой вкусной еды, пожалуй, она никогда не ела. Особенно хорошей была эта жидкая еда. Суп. Папа редко готовил суп. Это было пару раз в детстве. Здесь суп был каждый день. Больше всего она любила прозрачный, золотистый с маленькими звездочками. Он напоминал ей о тех мгновениях, когда она выходила по ночам из норы и смотрела на звезды.

Закончив есть, она спросила:

– А можно ночью я выйду из норы?

Павел и его жена, не успев дожевать обед, едва не подавились.

– Из норы? – спросила большая женщина. Павел сделал еле заметное движение кистью, как бы говоря «помолчи, женщина».

– Да, конечно, можно, – сказал мужчина.

Девочка сидела и, словно стойкий солдат, ожидала команды «Вольно!». Она не могла закончить обед и встать из-за стола, пока он ей не разрешит. Мужчина видел, как ужасно мучительно это выглядит. Его сердце, еще не такое старое, но уже достаточно каменное, сжималось всякий раз, когда он смотрел на ее опущенную голову. Разве не такого солдата он пытался сделать из своего сына? Разве не об этом он мечтал?

Нет. Она не была похожа на солдата. Она была похожа на человека, чья воля была сломлена, уничтожена, подавлена. Она умела говорить, читать и, возможно, еще много чего. Но всё это умение не имело никакого значения, если человек не мог пользоваться свободой, данной ему по праву рождения.

– Ты можешь идти, – сказал он через силу.

Но Алиса продолжила сидеть с опущенной головой. Павел затаил дыхание, не зная, чего ожидать от девочки.

– Что я должна делать? – тихо спросила она.

– А что ты хочешь?

Ее плечи слегка затрепетали, как будто из тела пыталось вырваться на волю какое-то потаенное желание, которое девочка давно хранила. Но тут же она снова застыла.

– Ты можешь делать почти всё, что хочешь, – снова рискнул он.

Ее голова на тонкой шее наконец-то повернулась в его сторону.

– Не могу, – прошептала она. – Нельзя.

– Почему нельзя? – он заставил себя улыбнуться.

– Папа не разрешает мне делать, что я хочу.

Снова этот *папа.* Майор почувствовал ярость.

– Твоего папы здесь нет. Он не слышит тебя и не видит. Он не может тебе запрещать.

Алиса слезла со стула и подошла к мужчине, нагнулась над его ухом и прошептала:

– Я хочу танцевать…

В его доме не было современной музыки, да и вообще музыкой он не увлекался. Майор давно оставил в прошлом детство, когда пластинки с музыкой добывались с таким трудом. А потом и веселое юношество, когда он бегал за каждой юбкой, пропадал на дискотеках, проводил веселые ночи в общаге. И всё то время, время юности, было наполнено музыкой. Музыка должна сопровождать молодость.

Тогда почему он забыл об этом, когда воспитывал своего сына? Однажды малец, когда ему было только четырнадцать, притащил в дом маленький магнитофон, тайно купленный на отложенные деньги. Магнитофон с функцией записи с кассеты на кассету, с возможностью записи голоса, с хорошим радиоприемником.

Об этом узнала его мать и скрыла тайну, чтобы защитить увлечение сына. Но он, Павел, такой демократичностью похвастаться не мог. Узнав об этом черном предательском аппарате, Павел, тогда еще лейтенант, швырнул магнитофон в стену. Черные блестящие осколки пластика разлетелись в разные стороны. Сын плакал и проклинал отца в самых красочных выражениях.

Теперь, когда майор вспоминал это, ему было стыдно. Он как мог старался забыть такие моменты. Но вот теперь здесь появилась девочка, которая хотела танцевать под музыку. И воспоминания поплыли рекою в его сознании.

Мужчина повел девочку в комнату, которую оборудовал как свой рабочий кабинет. Алиса спряталась за дверным проемом, высунув только половину лица, враждебно глядя на яркий свет, струившийся из окна.

– Сейчас, – сказал Павел.

Он подошел к окну и опустил металлические жалюзи. Теперь комната скрылась в полумраке.

– Что ж, давай посмотрим, что можно придумать.

Павел запустил персональный компьютер и стал искать современную музыку на просторах Всемирной паутины.

– Можно я? – спросила Алиса. Ее робость вмиг куда-то исчезла.

Она взяла мышь и стала ловко что-то набирать на клавиатуре. Павел медленно сел в кресло, округлив удивленные глаза.

– Умеешь работать за компьютером?

Ответа не последовало: девочка была слишком увлечена. Но и Павел поругал себя за такой вопрос. Казалось, он обращается к умалишенной. А девочка вовсе не была такой.

– Вот эту, – сказала Алиса, обращаясь скорее к компьютеру, чем к мужчине рядом.

Из слабых динамиков двух маленьких колонок, стоявших по обе стороны от монитора, зазвучала песня Мадонны. Что-то с испанскими мотивами, очень мелодичная. И девочка, совершенно не стесняясь, пустилась в пляс прямо в его рабочей комнате. Паркет на полу глухо возвращал звук ее ловких шагов. Алиса хорошо двигалась, как будто делала это всю жизнь. Она кружилась, двигала руками, делала легкие плавные шаги, иногда даже покачивала бедрами в такт музыке.

Но неужели пленница была на такое способна? Логика в голове Павла, усыпленная на некоторое время, снова вышла из комы и заговорила циничным голосом. Такого не могло быть. И ему казалось, что ловушка, подобно Венериной мухоловке, схлопывается и засасывает его, как комара.

Еще одно движение и еще, и вот девочка уже рядом и приглашает его потанцевать. Он, по ее мнению кто? Клоун?

Павел резким движением хлопнул по клавише «пробела» и музыка остановилась.

– Хватит! – вскрикнул он.

Алиса тут же сжалась, как насекомое, потревоженное хищной птицей. Скрылась в своем панцире, подобрала крылышки. Майор схватил ее за плечи.

– Откуда ты умеешь работать с компьютером, а? Где ты жила, говори!

– Я буду хорошей, я буду хорошей, я буду хорошей…. – запричитала девочка, как будто только этого он и хотел.

Странно, но слова эти накрыли его, точно ушат холодной воды. Она не сделала ничего плохого. Но большую часть жизни ему приходилось видеть плохих людей, преступников. И она в его глазах была всего лишь преступницей. Она здесь временно, пока ее не определят в новую тюрьму. Она сбежала из тюрьмы, думая, что мир – это свобода. Но свобода оказалась ложью. Всё ложь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.